

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

50

M64

V.1:31

B 3 065 019

1 Октября 1906 г.

№ 31.

Московскій Ежедѣльникъ.

Редакторъ-издатель

Князь Е. Н. Трубецкой.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Ин. Евгений Трубецкой.* Годовщина манифеста.
2. *Н. В.* Законность и партийность.
3. *М. Щепкинъ.* Общественное самоуправленіе.
4. *Ин. Григорій Трубецкой.* Этика и политика.
5. *П. Муратовъ.* О береженіи прошлаго.
6. *Н. Крашенинниковъ.* Горе грѣха. (Разсказъ).
7. Внутреннее обозрѣніе.
8. Печать.
9. *М. Ш.* Рабочее движеніе.

Принимается подписка на 1907 г. на журналъ

„МОСКОВСКІЙ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно
по расширенной программѣ.

ДЕРЖАСЯ СТРОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ, ЖУРНАЛЪ НЕ БУДЕТЪ ОРГАНОМЪ КАКОЙ-ЛИБО ИЗЪ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ ВЪ РОССІИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ПАРТІЙ; ИСХОДЯ ИЗЪ ПРИЗНАНІЯ НЕЗЫБЛЕМЫХЪ ПРАВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, РЕДАКЦІЯ БУДЕТЪ СТОЯТЬ НА СТРАЖѢ КОНСТИТУЦИОННЫХЪ НАЧАЛЪ, ИЗОБЛИЧАЯ ВСЯКІЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СВОБОДУ, ОТКУДА БЫ ОНИ НИ ИСХОДИЛИ. ГЛАВНУЮ ЗАДАЧУ НАРОДНАГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖУРНАЛЪ ВИДИТЪ ВЪ ПРОВЕДЕНІИ ШИРОКИХЪ СОЦІАЛЬНЫХЪ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ И ВЫДВИНЕТЪ НА ПЕРВЫЙ ПЛАНЪ АГРАРНУЮ РЕФОРМУ, ПЕРЕУСТРОЙСТВО БЫТА КРЕСТЬЯНЪ И РАБОЧЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО; ВОПРОСАМЪ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ НАЦІОНАЛЬНЫМИ, И ВОПРОСУ ЦЕРКОВНОМУ БУДЕТЪ ТАКЖЕ УДѢЛЕНО ОСОБОЕ ВНИМАНІЕ.

Кромѣ статей по общественно - политическимъ и экономическимъ вопросамъ, „Московский Еженедѣльникъ“ будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ беллетристическаго характера. Въ теченіе года подписчики получатъ 52 книжки журнала.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Н. Н. Авиновъ, священникъ, К. М. Агеевъ, проф. А. С. Алексѣевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Бугаковъ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусakovъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здѣховскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Юлосъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистаковский, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучинскій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзѣвскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. І. Петражнскій, прив.-доц. А. И. Покровскій, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Понниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергѣй Глаголь, В. Ю. Скалонъ, Л. Э. Слонимскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, П. Б. Струве (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Геверницъ. (Фрейбургъ въ Бреслау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и другіе.

Продолжается печатаніе посмертныхъ статей проф. С. Н. Трубецкаго.

См. на оборотѣ.

„Московский Еженедельник“ продается въ Москвѣ въ кіоскахъ И. Д. Сыгина и во
всѣхъ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ. Въ С.-Петербургѣ: въ кіоскахъ В. А. Платни-
кова, у артели уличныхъ продавцовъ произведеній печати и въ книжныхъ магазинахъ
Карбасникова (Литейная, 46), „Наша Жизнь“ (Невскій, 49), Митурникова (Литейная),
„Русской Газеты“ (Невскій), „Доброе Дѣло“ (Бассейная, 4). Представитель для Юго-Запад-
наго края—А. А. Соколовскій: **Кіевъ** (Крещатикъ, 14). Агафоновъ. **Луганскъ**—Шляпош-
няковъ М. **Симферополь**—М. М. Загородскій. **Новочеркасскъ**—В. М. Кленнигъ.
Минскъ—Б. А. Городненскій. **Ялта**—Волковъ. **Рига**—газетн. кіоски Р. Манфредъ.
Калуга—Горинъ. **Красноярскъ**—Н.Трегубовъ. **Ташкентъ**—М. Свишувскій. **Харбинь**—
И. Т. Щелоковъ, „Новый Край“.—Артемьевъ. **Иркутскъ**,—Посохинъ.

Представитель за границей: Agence de la Presse russe: *Paris*—12, B-d des Italiens, 12.
Майницъ—Saarbach's Exchange. *Luzern*—Diemer (Buchhandlung). *Lausanne*—Librairie
Nouvelle.

Приемъ для личныхъ объясненій у редактора: отъ 3—4 час., у секрет.
отъ 3—5 час.

Условія подписки на 1907 годъ

За годъ **5** Р., за 6 мѣс. **2 Р. 75** К., за 3 мѣс. **1 Р. 50** К., за границу
вдвое.

Разрочка допускается только годовымъ подписчикамъ
на слѣдующихъ условіяхъ:

ПРИ ПОДПИСКѢ 2 р., 1 апрѣля—2 р., 1 августа—1 р., или:

ПРИ ПОДПИСКѢ 2 р., 1 апрѣля—1 р., 1 іюня—1 р.
и 1 августа—1 р.

Подписавшіеся на весь **1907** г. въ текущемъ г. будутъ получать жур-
наль съ момента подписки до 1 января 1907 г. **бесплатно**.

За переѣзду адреса **25** к. Объявленія—позади текста за строку пегита **50** к.,
а на задней обложкѣ—**1** руб.—принимаются у Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ
и въ отдѣленіяхъ.

Книгопродавцы удерживаютъ съ подписной цѣны 10⁰/₀; коммиссіонеры розничной
продажи пользуются обычной уступкой.

Телефонъ № 127—18.

Адресъ редакціи и конторы:

Москва, Страстная площадь, д. Живаго.

*Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, у Н. Печковской и
во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.*

Редакторъ-издатель проф. кн. Е. Н. Трубецкой.

Московскій
Еженедѣльникъ.

21 Октября 1906 г.

№ 31.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. *Кн. Евгеній Трубецкой.* Годовщина манифеста.
2. *Н. В.* Законность и партійность.
3. *М. Щепкинъ.* Общественное самоуправленіе.
4. *Кн. Григорій Трубецкой.* Этика и политика.
5. *П. Муратовъ.* О береженіи прошлаго.
6. *Н. Крашенинниковъ.* Горе грѣха. (Разсказъ).
7. Внутреннее обозрѣніе.
8. Печать.
9. *М. Ш.* Рабочее движеніе.

МИЛЮКОВЪ СЪВРАТЪ

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1906.

Годовщина манифеста.

Двадцать пятого октября 1905 года газета „Право“ писала:

„Что далъ Россіи манифестъ 17 октября? И очень много и ничего. Много — потому что имъ торжественно признанъ великій принципъ гражданской и политической свободы. Ничего — потому что этотъ принципъ пока не осуществленъ и не могъ быть осуществленъ манифестомъ“.

Прошелъ годъ, и мы стоимъ приблизительно на той же точкѣ. Въ манифестѣ 17 октября мы все еще имѣемъ неисполненное обѣщаніе, голый принципъ, не проведенный въ жизнь.

Самодержавіе рухнуло, но конституція еще не создана. „Неприкосновенность личности“ у насъ — что-то похожее на горькую иронию. О свободѣ союзовъ свидѣлствуютъ безпрестанныя запрещенія союзовъ, отказы въ легализаціи политическихъ партій. Свободы собраній у насъ гораздо меньше, чѣмъ въ октябрьскіе и ноябрьскіе дни прошлаго года: теперь такія собранія, какъ прошлогодній ноябрьскій земскій съѣздъ, были бы совершенно невысказаны.

Теперь, какъ и прежде, правительство „полно благихъ намѣреній“; но осуществленіе ихъ откладывается „впредь до успокоенія страны“. И въ общемъ мы пошли скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ. Такъ, напримѣръ, годъ тому назадъ, графъ Витте заявлялъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ,

что „правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу“. Онъ мотивировалъ это тѣмъ, что „положеніе дѣла требуетъ отъ власти приѣмовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности ея намѣреній“. Теперь, какъ извѣстно, П. А. Столыпинъ возводитъ въ принципъ давленіе на выборы и думаетъ доказать „прямоту и искренность“ диаметрально противоположными приемами. Графъ Витте полагалъ, что заботою правительства должно быть „поддержаніе престижа“ будущей Государственной Думы. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ заботились объ этомъ престижѣ его преемники.

Въ манифестѣ мы попрежнему имѣемъ „очень много и ровно ничего“.

Чѣмъ же это объясняется? Прежде всего всѣ тѣ ходячія объясненія, которыя указываютъ на „неискренность правительства“, въ высшей степени неполны и поверхностны.

Огульное обвиненіе въ „неискренности“ къ тому же и не точно, потому что какъ разъ составитель манифеста графъ Витте вложилъ въ него всю ту искренность, на которую онъ былъ способенъ. Онъ связалъ съ манифестомъ свое честолюбіе, свое имя и свою судьбу. Министерство Витте было, несомнѣнно, „министерствомъ манифеста“. Это было бы совершенно невозможно, если бы графъ Витте не былъ убѣжденъ въ пользѣ манифеста и не желалъ его осуществленія.

Понятное дѣло, это было своеобразное убѣжденіе. Не будучи человѣкомъ опредѣленной политической вѣры, графъ Витте, однако, вѣрилъ въ манифестъ, какъ въ крупную спекулятивную цѣнность, которая въ данный моментъ одна можетъ обезпечить ему выигрышъ на политической биржѣ. Впослѣдствіи онъ сталъ спекулировать на другихъ бумагахъ; но это случилось только потому, что биржа его обманула: самая ошибка была, несомнѣнно, искренняя.

Манифестъ не осуществился вопреки всему и всѣмъ, вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ правительства и вопреки единодушному желанію общества. Въ этомъ заключается самый изумительный изъ всѣхъ парадоксовъ нашей общественной жизни послѣдняго времени. Къ сожалѣнію, въ этомъ виновато столько же общество, сколько и правительство.

Со стороны правительства мы видимъ однѣ сплошныя ошибки. Прежде всего въ самомъ изданіи манифеста сочтались всевозможные и даже прямо противоположные промахи. Для умиротворенія страны онъ былъ изданъ слишкомъ поздно и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ рано: явился онъ тремя годами раньше, онъ въ самомъ дѣлѣ умиротворилъ бы; явился онъ тремя днями позже, когда забастовка должна была сама собою прекратиться вслѣдствіе истощенія силъ, онъ не производилъ бы впечатлѣнія вырванной у правительства уступки. Составленный спѣшно, онъ былъ редактированъ въ высшей степени неумѣло: онъ слишкомъ наивно отражалъ въ себѣ *испугъ* правящихъ сферъ.

„Отъ волненій, нынѣ возникшихъ,—читаемъ мы въ немъ,—можетъ явиться глубокое нестроеніе народа и угроза цѣлости и единству Державы Нашей“.

Въ смутное время, переживаемое Россіей, трудно было придумать болѣе неосторожную и неудачную мотивировку возвѣщенныхъ манифестомъ реформъ. Она какъ бы давала понять, что правительство, даровавшее манифестъ, руководилось не убѣжденіемъ, а страхомъ. Умѣреннымъ элементамъ такой оппортюнизмъ не могъ внушить довѣрія, а крайніе прониклись увѣренностью, что нужно поддерживать и усиливать этотъ страхъ, дабы заставить правительство исполнить обѣщанное и вырвать у него новыя уступки.

Опортюнизмъ, несомнѣнно, былъ основнымъ грѣхомъ и источникомъ всѣхъ ошибокъ министерства Витте: именно это качество помѣшало премьеру рѣшительно пойти про-

тивъ придворныхъ круговъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи стараго порядка, и порвать съ этимъ порядкомъ всякую связь. Его оппортюнизмъ помѣшалъ ему составить кабинетъ изъ общественныхъ дѣятелей и создать его моральную зависимость отъ Дурново. Въ концѣ-концовъ именно этотъ недостатокъ изолировалъ правительство и лишилъ его общественной опоры.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Витте, между прочимъ, писалъ: министерство „должно приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ“. Вся бѣда въ томъ, что именно *идейнаго* воодушевленія въ правительствѣ вовсе не было, и низшіе агенты власти это почувствовали. Они заразились отъ правительства его безпринципностью и его оппортюнизмомъ. Они вѣрили не тому, что было написано въ манифестѣ и въ другихъ официальныхъ актахъ, а тому, что они читали между строкъ. И вскорѣ они поняли, что за графомъ Витте скрываются какіе-то другіе, тайные руководители правительственной политики. Въмѣсто того, чтобы вести за собою администрацію, графъ Витте оказался въ хвостѣ у Комиссаровыхъ и Рачковскихъ.

Естественно, что бюрократія не нашла въ себѣ нравственныхъ силъ для обновленія Россіи. Нашлись ли онѣ въ русскомъ обществѣ? Вопросъ этотъ заставляетъ краснѣть отъ стыда. Воистину грѣхъ правительства былъ грѣхомъ русскаго общества. Тактическія соображенія правительственного оппортюнизма сдѣлали графа Витте безсильнымъ бороться противъ мундирнаго анархизма агентовъ администраціи. Тактическія соображенія и оппортюнизмъ другого свойства сдѣлали русское общество неспособнымъ бороться противъ анархіи, надвигавшейся снизу.

„Усматривая задачу момента и единственное спасеніе отъ буржуазной или преторіанской реакціи въ соединеніи всѣхъ силъ оппозиціи, мы на этой почвѣ можемъ протянуть

руку влѣво“. „Мы должны сплотиться въ томъ, что намъ обще, откинувъ все то, что насъ разъбляетъ. Мы не приемъ того, что намъ органически чуждо и что запрещаетъ намъ нашъ политическій смыслъ. *Но мы и не требуемъ того, чтобы кто бы то ни было поступался своими средствами во имя общей цѣли*“ (курсивъ мой).

Въ этихъ словахъ выдающагося общественнаго дѣятеля *общественный* оппортионизмъ черезъ нѣсколько дней послѣ изданія манифеста нашель себѣ классическое выраженіе. Для крайнихъ въ борьбѣ съ правительствомъ были хороши всѣ средства. А умѣренные искали союза со всякимъ врагомъ правительства, *каковы бы ни были его средства*. Вотъ, что означаетъ „протянутая влѣво рука“.

У оппозиціи оказались свои Комиссаровы, которые стали хозяевами положенія и приобрѣли деспотическую власть надъ „умѣренными“ премьерами. Мнѣ кажется, что не нужно искать другихъ причинъ роковыхъ неудачъ освободительнаго движенія. Правительство Витте не сумѣло провести грань между собою и громилами. Оппозиція впала ровно въ тотъ же грѣхъ. Она также промѣняла нравственныя начала на временныя цѣнности политическаго рырка. Развѣ не очевидно, что именно этимъ она оживила реакцію и созидала ея силу?

Освободительное движеніе можетъ быть сильно только своимъ нравственнымъ обликомъ. Единственный источникъ его авторитета — тѣ нравственныя начала, за которыя оно борется. Гдѣ теперь этотъ авторитетъ? Развѣ событія послѣ роспуска Думы не являютъ собою нагляднаго доказательства глубины его паденія? И подкопали его не убійцы, не погромщики, а *политическіе іезуиты*—тѣ, кто сами не дѣлаютъ преступленій, а радуются чужимъ преступленіямъ и готовятся ихъ использовать.

Какъ ни отвратителенъ самъ по себѣ терроръ, однако, можно относиться съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ тѣмъ его

сторонникамъ, которые жертвуютъ собою и идутъ на всякую опасность. Можно осуждать ихъ способы борьбы, но нельзя не признать, что они остаются честными въ своемъ заблужденіи. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать о тѣхъ, кто мирволитъ политическимъ убійцамъ и награждаетъ ихъ своимъ платоническимъ сочувствіемъ. Всѣхъ отвратительнѣе тѣ льстецы и поклонники террора, которые не участвуютъ въ опасностяхъ, но хотятъ дѣлить выгоды.

Эти люди дискредитируютъ освободительное движеніе; и въ этомъ тайна печальной исторіи манифеста. Въ Россіи еще не нашлось той нравственной силы, которая могла бы осуществить манифестъ. Онъ можетъ быть проведенъ въ жизнь только чистыми руками.

Кн. Евгений Трубецкой.

Законность и партійность.

Въ Россіи никогда не процвѣтала идея законности, и хотя въ основныхъ законахъ нашихъ, даже прежней редакціи, значится, что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“... но это утвержденіе имѣло лишь значеніе отвлеченное, декоративное, и никто никогда искренно въ него не вѣрилъ ни въ высшихъ, ни въ низшихъ слояхъ населенія. Но ссылки на законъ; требованія, отказы въ чемъ-либо, мотивированные той или другой статьёй закона, какъ со стороны частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ агентовъ, слышались и слышатся часто; законъ и законность непрестанно цитируются у насъ въ подкрѣпленіе высказываемыхъ мнѣній, но, надо сознаться, безъ достаточнаго углубленія въ дѣло, безъ твердаго знанія и дѣйствительнаго уваженія къ законности.

Политической жизни общества у насъ до настоящаго времени не было. Были пастыри различныхъ ранговъ, пасомые разнообразныхъ категорій и отбившіяся отъ стада особи, враждовавшія и противодѣйствовавшія пастырямъ при молчаливомъ сочувствіи меньшей части пасомыхъ и неодобреніи и страхъ большей ихъ части; но эти взаимоотношенія не создавали еще нормальной политической жизни, протекающей открыто при дневномъ свѣтѣ и захватывающей широкіе круги населенія. Политическая жизнь вторглась въ русскую дѣйствительность, безъ какой-либо, для большинства, подготовки, вторглась стихійно, какъ весенній потокъ, сносящій въ своемъ бурномъ и мутномъ теченіи всѣ прежде удерживавшія его преграды. И вешнія воды пока

еще не успокоились и не отстоялись, онѣ не проложили себѣ постоянного русла, и Россія въ политическомъ отношеніи представляетъ изъ себя взбаламученное море. Определенныя партіи еще не образовались,—мы видимъ распадѣніе иныхъ, формированіе и зарожденіе новыхъ, но жестокая партійность уже есть налицо. Отдѣльныя политическія группы прониклись непримиримостью, взаимной озлобленностью, недоувѣріемъ, отсутствіемъ объективности, и въ этой обстановкѣ отношеніе правителей и населенія къ законности осталось прежнее. Законъ нарушается попрежнему легко, при чемъ если это дѣлается „своими“, то нарушенію не придается значенія, но зато даже мнимое несоблюденіе закона со стороны враждебной политической группы вызываетъ крики негодованія и клеймится позоромъ.

Подтвержденіемъ изложеннаго нами можетъ служить за-сѣданіе московской городской думы 10-го октября, на которомъ было постановлено временно устранить изъ состава гласныхъ: гг. С. А. Муромцева, М. Г. Комиссарова и М. Д. Лебедева, какъ лицъ, привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ для виновнаго ограниченіе правъ состоянія, и обсужденіе этого постановленія въ печати.

Всѣ газеты либеральнаго направленія, которыя намъ пришлось прочесть, какъ служащія органами к.-д. партіи, такъ и лишь примыкающія по ихъ взглядамъ къ программѣ этой партіи, высказались противъ приведеннаго постановленія и притомъ въ формѣ рѣзкой, нетерпимой и предъ-явили къ составу думы, голосовавшему за устраненіе гг. гласныхъ, обвиненіе въ нарушеніи закона, въ отсутствіи у гласныхъ чувства законности. Одна почтенная московская газета назвала постановленіе думы „однимъ изъ недостойнѣйшихъ эпизодовъ“ городского самоуправленія за послѣднее время и обрушилась на городского голову, поддерживавшаго проектъ постановленія, при чемъ бросила ему упрекъ въ томъ, что для него „законность“ ничто, разъ какъ есть приказаніе начальства. Гласные, говорившіе въ думѣ противъ временнаго устраненія гг. Муромцева, Комиссарова и Лебедева, ссылались на законъ, и подъ впечатлѣніемъ ихъ рѣчей и газетныхъ статей въ обществѣ создалось предствленіе, что дѣйствительно постановленіе думы 10-го

октября незаконно, что идея законности попорана ради подслуживанія видамъ правительства.

А, между тѣмъ, такое заключеніе есть плодъ недоразумѣнія, ибо постановленіе думы основано на точномъ смыслѣ закона, и, напротивъ, иное рѣшеніе возбужденнаго вопроса грѣшило бы противъ идеи законности.

Статья 33 городского положенія устраняетъ отъ участія въ выборахъ въ гласные думы и лишаетъ права быть избраннымъ въ таковыя, по пункту третьему, лицъ, „состоящихъ *подъ слѣдствіемъ* (курсивъ нашъ) или судомъ“ по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ ограниченіе правъ. На основаніи 59 статьи положенія гласные, привлеченные къ „судебной отвѣтственности“ по обвиненію въ такомъ же преступленіи, устраняются изъ состава думы до окончанія о нихъ судебного производства. Вопросъ о томъ, кто долженъ считаться „привлеченнымъ къ судебной отвѣтственности“, разрѣшается самымъ положительнымъ образомъ текстомъ статьи 39 городского положенія, 27 ст. положенія о земскихъ учрежд., 136 ст. второго тома свода законовъ, ст. ст. 21, 82, 200, 355 учрежденія суд. устан. и другими, которыя всѣ въ разныхъ сферахъ, но одинаково, временно ограничиваютъ права лицъ, „состоящихъ *подъ слѣдствіемъ или судомъ*“. Законъ въ этомъ отношеніи *не дѣлаетъ различія между состояніемъ *подъ слѣдствіемъ* и *судомъ**, приравнивая и то и другое къ положенію привлеченнаго къ „судебной отвѣтственности“.

Состояніе *подъ слѣдствіемъ* опредѣляется именно моментомъ привлеченія даннаго лица къ судебной отвѣтственности и выражается въ формѣ *постановленія* надлежащаго судебного органа о привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго. До этого момента, до составленія такого постановленія, хотя бы данному лицу было предъявлено полиціей, тѣмъ или другимъ административнымъ учрежденіемъ, начальствомъ заподозрѣннаго, частными лицами обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи, хотя бы оно было уличено произведеннымъ дознаніемъ и содержалось *подъ стражей* по постановленію полиціи или другого административнаго органа, лицо это, оставаясь заподозрѣннымъ, обвиняемымъ, не состоитъ *подъ слѣдствіемъ*, не привлечено къ судебной отвѣтственности. Но разъ какъ заподозрѣнное лицо привлечено судебнымъ слѣдователемъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, то не-

медленно наступаетъ указанное въ законѣ временное правопрораженіе того лица, каковое не увеличивается и не уменьшается на слѣдующемъ процессуальномъ этапѣ,—при преданіи суду; таковое по цѣлому ряду дѣлъ у насъ и не имѣеть мѣста. Ограничивающее политическія права обвиняемаго постановленіе судебного органа, въ виду важности этого акта, подлежитъ контролю высшей судебной инстанціи, который осуществляется путемъ протеста лица прокурорскаго надзора или жалобы привлеченнаго (на суд. слѣдователя въ окружный судъ или суд. палату). Привлеченіе къ судебной отвѣтственности, не зависящее отъ воли частнаго лица—жалобщика, имѣеть мѣсто въ предварительной стадіи процесса лишь по дѣламъ, о коихъ производится слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ, а по дѣламъ мировой юстиціи, по которымъ слѣдователя замѣняетъ полиція, его вовсе нѣтъ. Въ виду такого значенія привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго циркуляромъ Министерства Юстиціи отъ 19 мая 1894 г. за № 14298 на судебныхъ слѣдователей возложена обязанность извѣщать о состоявшемся привлеченіи къ слѣдствію гласныхъ думы и земскаго собранія подлежащія городскія и земскія управы.

59 статья городского положенія, разъясненная Сенатомъ въ томъ смыслѣ что временное устраненіе гласнаго отъ участія въ засѣданіяхъ думы зависитъ отъ послѣдней, обязываетъ думу убѣдиться въ томъ, имѣются ли дѣйствительно налицо условія, ограничивающія права гласнаго, а именно, привлечено ли это лицо компетентнымъ органомъ власти къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ преступленіи, влекущемъ ограниченіе правъ, т.-е. состоитъ ли оно по такому обвиненію подъ слѣдствіемъ, или подъ судомъ. Если дума убѣждается въ томъ, что гласный, о которомъ идетъ рѣчь, привлеченъ по производящемуся еще уголовному дѣлу къ слѣдствію по указанному обвиненію, то-есть, что имѣется налицо постановленіе о томъ подлежащаго судебного слѣдователя, то дума, *оставаясь на почвѣ закона*, не можетъ не устранить временно гласнаго изъ состава думы. Иное дѣло, если думѣ не будетъ доставленъ надлежащій матеріалъ для сужденія по возбужденному вопросу, не будетъ, напримѣръ, приложена копія постановленія судебного слѣдователя, не будутъ указаны статьи уголовного уложенія, квалифицирующія дѣяніе, въ коемъ обвиняется гласный. Дума

въ такомъ случаѣ должна отложить сужденіе до собранія надлежащихъ свѣдѣній. Далѣе, если дума убѣдится, что гласный привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго не компетентнымъ лицомъ, напримѣръ, узднымъ членомъ суда, прокуроромъ или административнымъ должностнымъ лицомъ, или постановленіе слѣдователя, упоминая о привлеченіи цѣлой группы лицъ, не упоминаетъ спеціально о данномъ гласномъ, то на ея обязанности лежитъ оставить предъявленное къ ней требованіе безъ удовлетворенія.

Но права обсуждать законѣрность судебного акта, составленнаго компетентнымъ лицомъ или учрежденіемъ, разбирать его по существу и принимать его къ исполненію только въ томъ случаѣ, если оно будетъ одобрено, дума очевидно не имѣетъ. Такое обсужденіе не входитъ и не можетъ входить въ кругъ ея компетенціи. Судебная власть въ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ своихъ не подлежитъ контролю никакихъ другихъ учреждений. И юридическое положеніе: *res judicata pro veritate habetur* признается и провозглашается всѣми процессами міра, признающими самостоятельность и независимость суда, какъ послѣдствія отдѣленія его отъ власти исполнительной и законодательной. Ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ не допускается обсужденіе судебныхъ рѣшеній общественными и вообще посторонними суду учрежденіями. Возможна, конечно, критика судебного рѣшенія, но не уклоненіе отъ исполненія его, возможно обжалованіе судебныхъ опредѣленій, но лишь предъ судебною и притомъ точно въ законѣ указанной инстанціей.

И въ этомъ отношеніи значеніе и обязательность къ исполненію судебного акта, будь это постановленіе судебного слѣдователя или приговоръ окружнаго суда, совершенно одинаковы. Разница лишь въ объемѣ правомочій разныхъ судебныхъ органовъ и въ большей или меньшей сферѣ, на которую дѣйствуетъ судебный актъ. Такъ постановленіе судебного слѣдователя о привлеченіи къ слѣдствію въ качествѣ лица обвиняемаго въ грозящемъ лишеніемъ правъ преступленіи влечетъ за собой обязательно, если это лицо состоитъ гласнымъ думы, временное устраненіе его изъ числа гласныхъ, а приговоръ окружнаго суда, коимъ это лицо присуждается къ наказанію, соединенному съ ограниченіемъ правъ, имѣетъ обязательнымъ

послѣдствіемъ совершенное исключеніе гласнаго изъ состава думы.

И въ обоихъ случаяхъ ни дума, ни земское собраніе, ни губернское правленіе, ни полицейскія и иныя власти, которымъ приходится принимать тѣ или иныя обязательныя мѣры, вызываемыя названными судебными актами, не могутъ приостанавливаться исполненіемъ вслѣдствіе явившагося у нихъ сомнѣнія въ справедливости, законномѣрности и вообще правильности этихъ актовъ.

Быть-можетъ, судебный слѣдователь, примѣнившій къ бывшимъ членамъ Государственной Думы, подписавшимъ гельсингфорское воззваніе, не финляндскіе законы, а 129-ю ст. уголовного уложенія, впалъ въ юридическую ошибку, неправильно квалифицировалъ изслѣдуемое имъ преступное дѣяніе, но, тѣмъ не менѣе, положеніе это не даетъ права ни думѣ, ни другому государственному или общественному учрежденію отказаться отъ исполненія постановленія. По тому же дѣлу, быть-можетъ, состоится, на основаніи той же 129 ст. уложенія обвинительный приговоръ судебной палаты, лишающій обвиняемыхъ всѣхъ особенныхъ правъ, а въ томъ числѣ и права быть гласнымъ, и хотя бы губернское правленіе или другое учрежденіе, которое будетъ въ относящейся до него части исполнять этотъ приговоръ, пришло къ заключенію о неправильности примѣненія палатою къ данному дѣлу 129 ст. уложенія, оно не въ правѣ будетъ по этому поводу отложить исполненіе приговора или совсѣмъ отказаться отъ него.

Гарантія справедливости и законности судебныхъ актовъ осуществляется путемъ апелляціоннаго, кассационнаго, частнаго обжалованья и общаго надзора кассационныхъ департаментовъ Сената. Иного пути исправленія возможныхъ, конечно, на дѣлѣ судебныхъ ошибокъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо лишеніе судебныхъ актовъ ихъ пезыблемости и обязательной авторитетности было бы дѣйствіемъ противогосударственнымъ, анархическимъ.

Если бы въ обсуждаемомъ случаѣ городской думѣ было доложено, что постановленіе судебного слѣдователя о привлеченіи къ судебной отвѣтственности гласныхъ московской думы обжаловано ими судебной палатѣ, то, конечно, до рѣшенія вопроса о правильности этого привлеченія высшею судебной инстанціей, думѣ надлежало бы приостановиться

устраненіемъ гласныхъ; но при отсутствіи такого свѣдѣнія дума не могла, въ законномъ порядкѣ, постановить иного рѣшенія, чѣмъ то, которое она и составила.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что гласные, подававшіе голоса противъ немедленнаго устраненія гг. Муромцева, Комиссарова и Лебедева, и авторы статей, взводившихъ на большинство думы обвиненіе въ неуваженіи къ законности, дѣйствовали совершенно убѣжденно и bona fide, а, между тѣмъ, именно они не стояли и не стоятъ на законной почвѣ, и большее углубленіе въ суть дѣла, а, главное, спокойное, объективное отношеніе къ нему убѣдили бы ихъ въ этомъ. Но именно объективности, на которой только и можетъ укрѣпиться и развиться идея законности и признаніе ея самостоятельной силы, въ средѣ нашего общества нѣтъ. Партийность, вызывающая пристрастность, даетъ себя чувствовать вездѣ и постоянно и вызываетъ неправильное, одно-стороннее освѣщеніе явленій и дѣйствій.

Дума проявила бы гораздо больше достоинства и пониманія государственно-общественныхъ интересовъ, если бы, согласившись съ мнѣніемъ своихъ юристовъ, ограничилась провѣркой правильности лишь съ формальной стороны предъявленнаго ей администраціей требованія, основаннаго на точномъ законѣ, и затѣмъ высказала бы, по существу вопроса, глубокое сожалѣніе о томъ, что дума хотя и временно лишается такихъ сотрудниковъ, какъ С. А. Муромцевъ, М. Г. Комиссаровъ и М. Д. Лебедевъ.

Горячая партийность сказалась почти въ то же время еще въ одномъ явленіи. Въ газетахъ появилось недавно извѣстіе, что предсѣдатель съѣзда крупныхъ землевладѣльцевъ Московскаго уѣзда для выбора гласныхъ московскій уѣздный предводитель дворянства П. А. Базилевскій, объявивъ собранію, что С. А. Муромцевъ не имѣетъ права быть избраннымъ въ гласные, какъ состоящій подъ слѣдствіемъ, вмѣстѣ съ другими лицами высказалъ по этому поводу сожалѣніе.

На другой же день въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось открытое письмо г. Базилевскаго, поспѣшившаго публично заявить, что такъ какъ онъ „по основнымъ своимъ политическимъ (курсивъ нашъ) убѣжденіямъ“ не принадлежитъ къ числу людей, сочувствующихъ дѣятельности С. А. Муромцева, то онъ и „не могъ высказывать сожалѣнія объ

его недопущеніи къ участию въ выборахъ“ и такового въ дѣйствительности не высказываль.

Дѣятельность гласнаго земскаго собранія, какъ извѣстно, не политическая, а касается исключительно мѣстныхъ нуждъ населенія, вопросовъ общественнаго хозяйства и благоустройства, а потому принадлежность С. А. Муромцева по политическимъ убѣжденіямъ къ другой партіи, чѣмъ предсѣдатель земскаго собранія, не могла бы, казалось, устранить и для него сожалѣніе о томъ, что столь опытный и неутомимый земскій дѣятель, выдающійся ученый и извѣстный юристъ, какъ С. А. Муромцевъ, не можетъ принять участія въ общемъ дѣлѣ, которому онъ уже принесъ не мало пользы, работая въ комиссіяхъ и самомъ собраніи. Казалось бы, можно не сочувствовать политическимъ убѣжденіямъ и дѣятельности на политическомъ поприщѣ извѣстнаго лица, но не только относиться къ нему съ уваженіемъ, а желать имѣть его сотрудникомъ въ другомъ, хотя бы и общественномъ дѣлѣ; однако такова сила уже развившейся у насъ партійности, а въ связи съ ней нетерпимости, что она поглощаетъ насъ полностью, лишая насъ при сужденіяхъ о дѣятельности и дѣятеляхъ противнаго намъ политическаго лагеря всякой объективности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствительнаго уваженія идеи законности.

Н. В.

Общественное самоуправленіе.

(Замѣтки).

II.

Сначала, во что бы то ни стало, утушить народное волненіе, подавить революцію и водворить миръ и покой въ странѣ, а потомъ уже надѣлать ее, при помощи обоихъ законодательныхъ учрежденій, Думы и Государственнаго Совѣта, преобразованиями по самымъ существеннымъ требованіямъ народной жизни. Исключены изъ этого министерствомъ лишь нѣкоторые основные вопросы — прежде всего земельный и землеустроительный, которые, „по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно“, какъ вытекающіе изъ началъ, возвѣщенныхъ въ Высочайшихъ манифестахъ, не взирая на то, что въ манифестѣ 17-го октября поименованы и другіе предметы — о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, слова и пр., по которымъ однако законопроекты министерства не предполагается приводить въ исполненіе безъ утвержденія будущей Думы.

Такова программа именуемаго „конституціоннымъ“ министерства. А въ извѣстномъ „правительственномъ (или вѣрнѣе министерскомъ) сообщеніи“ перечислены всѣ предметы, по которымъ должны быть совершены задуманныя преобразования. Это сообщеніе имѣетъ, безъ сомнѣнія, большое государственное значеніе, представляя собою необычное у насъ торжественное обращеніе къ народу, съ объясненіемъ передъ нимъ побудительныхъ причинъ, вызывающихъ эти преобразования. И надо сказать, что никогда такъ смѣло и само-

надѣянно министерство не брало на свои плечи столь сложной и непосильной работы, какъ исполненіе возвѣщенной имъ программы, тѣмъ болѣе, что оно общаетъ по всѣмъ преобразованіямъ составить вполнѣ руководящіе законопроекты въ относительно короткій промежутокъ времени—до созыва второй Государственной Думы, то-есть общаетъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ исполнить то, на что у правительства, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, не хватало ни пониманія народныхъ потребностей, ни желанія исполнить то, что считалось безусловно необходимымъ исполнить, ни силъ. Вотъ какъ быстро и сильно въ короткое время возросли прозорливость и внутреннія силы конституціоннаго министерства. Что жъ? Поживемъ—увидимъ, что выйдеть.

Тутъ не мѣсто разбирать изложенные въ 12-ти пунктахъ правительственнаго сообщенія вопросы, подлежащіе утвержденію Думы, по законопроектамъ министерства, хотя рѣзкія несогласія между общими воззрѣніями его въ обращеніи къ русскому народу, а еще болѣе несоотвѣтствія ихъ началамъ манифеста 17-го октября 1905 г. внушаютъ увѣренность въ недостаточной обдуманности и послѣдовательности въ составленіи министерскихъ заключеній, что само собою наталкиваетъ на ихъ разсмотрѣніе. Но цѣль настоящей замѣтки не въ этомъ, а въ томъ, чтобы въ общей министерской программѣ уразумѣть, какъ понимается министерствомъ *мѣстное самоуправленіе* и въ какихъ предѣлахъ предполагается имъ полезнымъ его осуществленіе въ новой государственной жизни Россіи? Вопросъ исключительной важности, потому что общественное самоуправленіе, фактически отвергнутое земскимъ и городовымъ положеніями 1890 и 1892 гг., безусловно должно быть положено въ основу будущаго конституціоннаго устройства, объ упроченіи котораго будто бы такъ усердно заботится конституціонное министерство. Но сильное смущеніе возникаетъ при постановкѣ этого вопроса: не представляется онъ празднымъ, такъ какъ въ общей части правительственнаго сообщенія ни разу не произнесено это соблазнительное и опасное слово—самоуправленіе. Какъ будто о немъ не должно быть и рѣчи при пересозданіи государственнаго строя въ Россіи на началахъ, соотвѣствующихъ требованіямъ народной жизни. Но заглянемъ въ перечень 12-ти составляемыхъ мини-

стерствомъ законопроектовъ—нѣтъ ли тамъ отвѣта на этотъ вопросъ. Тамъ упоминается:

Пунктъ 6. „О введеніи земскаго (но не городского?) самоуправления въ Прибалтійскомъ, а также Сѣверо-и Юго-Западномъ краѣ“.

Пунктъ 7. „О введеніи земскаго и городского (и того и другого) самоуправления въ губерніяхъ Царства Польскаго“.

Слѣдовательно, самоуправленіе не извергается изъ общей системы преобразованій, но оно вводится только въ такихъ областяхъ русскаго царства, въ которыхъ до сихъ поръ совершаются угрожающія событія революціоннаго движенія и кровавой расправы съ нимъ.

Ну, а какъ въ остальной Россіи? Неизвѣстно — объ этомъ умолчано въ правительственномъ сообщеніи. Въ перечнѣ же 12 законопроектовъ введенъ 5-й пунктъ, а въ немъ обѣщано составить законопроектъ (да онъ уже и составляется) „о реформѣ мѣстнаго управленія, которое предполагается организовать такимъ образомъ, чтобы губернскія и уѣздныя административныя учрежденія были поставлены въ непосредственную связь съ преобразованными (вѣроятно—имѣющими быть преобразованными) органами самоуправления, включающими и мелкую земскую единицу“.

Но вѣдь мѣстное управленіе не самоуправленіе!

Изъ этихъ словъ 5-го пункта видно, что министерство заботится не о водвореніи самоуправления въ странѣ, а объ устройствѣ, наиболѣе удобномъ для него, мѣстныхъ управленій. Что значитъ поставить административныя учрежденія въ непосредственную связь съ органами самоуправления? Предполагается ли при этомъ ввести представителей администраціи въ составъ общественныхъ учрежденій или же призвать представителей общественныхъ къ участию въ учрежденіяхъ административныхъ? По условіямъ дѣйствительной жизни ни въ томъ, ни въ другомъ никакой надобности не настоитъ, потому что въ силу дѣйствующихъ положеній, земскаго и городского, административная власть безусловно господствуетъ и теперь въ земствахъ и въ городахъ, и какаѣ же настоитъ надобность заботиться объ утвержденіи еще большей связи этихъ послѣднихъ учрежденій съ администраціей? Наконецъ въ томъ же 5-мъ пунктѣ ни единого слова не сказано о преобразованіи или, точнѣе, о введеніи общественнаго самоуправления вообще, такъ

какъ въ дѣйствительности его теперь не существуетъ, затронуть же слегка только вопросъ о возможности преобразования отдѣльныхъ органовъ (?) самоуправленія, и то не въ видахъ ли бѣльшого удобства связанія ихъ съ администраціей.

Изъ газетъ можно почерпнуть нѣкоторыя подробности о готовящемся законопроектѣ. Такъ, пишутъ, на примѣръ, что, подъ личнымъ руководствомъ предсѣдателя совѣта министровъ, уже приступлено къ разработкѣ этого дѣла, причемъ уже предположено „упразднить сельскія и иныя общественныя мѣстныя сословныя учрежденія и внести взаменъ всесословныя административныя учрежденія и мелкую земскую единицу“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время о сохраненіи сословныхъ учрежденій не можетъ быть и рѣчи, а все-таки крестьянскія сословныя учрежденія, какъ бы они уродливы ни были, представляютъ собою хоть какую-нибудь тѣнь самостоятельности въ завѣдываніи своими дѣлами. Теперь же ихъ предположено замѣнить какими-то „всесословными (?) административными учрежденіями“. Не значить ли это, что мѣстныя крестьянскія дѣла предполагается передать въ руки учрежденій административныхъ („Рус. Вѣд.“, № 242). Ни о какомъ самоуправленіи ни слова!

Далѣе, по разсмотрѣніи сельскаго волостного управления, рѣшено „сохранить существующую волость въ качествѣ всесословной хозяйственной и административной единицы общественнаго типа“ (?). Волость должна дѣлиться на сельскіе округа также всесословнаго типа; но при этомъ „крупныя земельныя владѣнія будутъ выдѣлены въ самостоятельныя единицы, съ возложеніемъ на владѣльцевъ обязанностей по благоустройству и общественной безопасности“ („Рус. Вѣд.“, № 248). Какъ много хорошихъ словъ, прикрывающихъ собою истинный смыслъ создаваемого законопроекта. Тутъ уже не только нѣтъ и намекъ на мѣстное самоуправленіе, но, подъ прикрытіемъ *всесословности* будущаго устройства, является новая, какъ-то небывалая прежде группа крупныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ заботиться даже о сохраненіи по благоустройству и общественной безопасности (не въ своихъ же только помѣстьяхъ), къ сожалѣнію, не сказано—пользующихся ли „полнотою власти“ въ случаѣ усмотрѣнной ими надобности дѣйствовать силою

противъ своихъ меньшихъ братьевъ въ бессловныхъ сельскихъ округахъ. А кто же эти крупные землевладельцы? Конечно, никто другой, какъ бывшіе помѣщики-дворяне или купцы-промышленники. О какомъ же тутъ самоуправленіи можетъ быть рѣчь?

Не очевидно ли, что умыселъ другой тутъ былъ—хозяинъ музыку любилъ,—музыку, рѣжущую ухо невѣроятнымъ диссонансомъ и отзывающуюся горькою болью въ народномъ сердцѣ.

Если бы понадобилось все сказанное привести къ одному знаменателю, то позволительно было бы дать такое заключеніе: конституціонное министерство, такъ усиленно заботящееся о созывѣ Думы, правильно составленной изъ благонадежныхъ гражданъ страны, рѣшительно отвергаетъ надобность въ водвореніи общественнаго самоуправления, какъ учрежденія, безусловно препятствующаго правильному управленію правительственной дѣятельности. Чѣмъ ближе подходитъ дѣло къ созыву такой Думы, тѣмъ все яснѣе вырисовывается на темномъ фонѣ совершающихся событій это коренное министерское воззрѣніе. А если это такъ, то значить, что конституціонное министерство заявляетъ себя прямо враждебнымъ воззвѣщенному манифестомъ 17 октября конституціонному устройству страны и народному представительству, состоящему изъ „лучшихъ“ людей страны.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія: одно заключеніе прямо вытекаетъ изъ другого. Общественное самоуправленіе и конституціонное устройство или, что то же самое, народное представительство, суть понятія соотносительныя и, какъ общественно-государственныя учрежденія, другъ безъ друга существовать не могутъ. Такъ, непродолжительная исторія русскаго самоуправления, выражающагося въ городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденіяхъ, служить прямымъ доказательствомъ того, что правильное развитіе ихъ на началахъ истиннаго самоуправления невозможно при господствѣ въ странѣ неограниченнаго монархическаго устройства: земскія и городскія управленія, призванныя къ жизни въ свѣтлую пору великихъ преобразованій, на первыхъ же порахъ обнаружили дѣятельность, исполненную большихъ жизненныхъ успѣховъ и обѣщавшую ихъ еще болѣе въ будущемъ, при сохраненіи за обществомъ даже тѣхъ ограниченныхъ условій самодѣятельности, какія были предо-

ставлены ему первыми земскимъ и городовымъ положеніями. Но эта самостоятельность мѣстныхъ учреждений продержалась очень не долго: уже въ концѣ 70-хъ годовъ стало проявляться иное направленіе въ правительственной дѣятельности, а послѣ 1881 г., когда наступила темная реакція, все дѣло самоуправленія быстро попятилось назадъ, такъ что въ 1890 и 1892 гг., подъ видомъ исправленія нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности земствъ и городовъ, были изданы два новыхъ законоположенія, которыя задушили общественныя самоуправленія.

Съ другой стороны, никакое конституціонное устройство страны въ дѣйствительности невозможно безъ опоры на широкія начала мѣстнаго общественнаго самоуправленія. Существенное значеніе этого послѣдняго „заключается не только въ томъ, что городскія и земскія собранія, правильно и свободно организованныя, должны служить лучшими подготовительными школами для участія въ дѣлахъ государственныхъ, но и прочнымъ основаніемъ для конституціоннаго устройства страны. Гдѣ же, какъ не на мѣстахъ, оно можетъ черпать лучшія, свѣжія силы для своего постоянного обновленія и возрожденія? Вѣдь только на мѣстахъ обновляются и возрождаются эти народныя силы. Станутъ мельчать, изсякать онѣ въ городахъ и деревняхъ или не будутъ онѣ, какъ соки въ здоровомъ народномъ организмѣ, правильно проложенными ходами свободно распространяться по стволу и сучьямъ могучаго народнаго представительства,—станетъ хирѣть и вянуть само представительство, какъ бы разумно и предусмотрительно оно ни было задумано и устроено первоначально. Вѣдь сила его не въ вершинахъ, а въ низахъ мѣстной народной жизни“.

Такъ писалъ я въ началѣ нынѣшняго года и не имѣю основаній, послѣ разыгравшейся тяжелой драмы роспуска первой Государственной Думы, измѣнить эти воззрѣнія. Конституціонное министерство держится иныхъ началъ, и нѣтъ сомнѣнія, что они въ своемъ осуществленіи приведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ жестокаго характера. Не дай Богъ!

М. Щепкинъ.

11 октября, 1906 г.

Этика и политика.

Этика и политика—едва ли за послѣдніе два года, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вся Россія всколыхнулась и политическія партіи втянули въ свои интересы все мыслящее общество, едва ли найдется вопросъ, который болѣе настойчиво, болѣе болѣзненно ставится передъ индивидуальной совѣстью большинства русскихъ гражданъ безъ различія партій и кружковъ.

Все наше освободительное движеніе выросло и почерпнуло свою глубину и силу изъ мотивовъ чисто-этическихъ. Борьба за подавленные права личности, за свободу и культуру противъ безнравственнаго и тлетворнаго начала деспотизма—эта борьба прежде всего была борьбою нравственной. И на этой этической почвѣ врагъ выказалъ поразительную слабость; казалось, что недостаетъ еще небольшихъ усилийъ, чтобы окончательно сломить его.

Пока общественный порывъ оставался на почвѣ нравственнаго осужденія завѣдомо негодныхъ и безнравственныхъ началъ, его удары были мощны и сокрушительны. Но по мѣрѣ достиженія первой, отрицательной части задачи—разрушенія обветшалаго строя, выдвигались новыя цѣли—положительнаго, созидательнаго характера.

Настала пора, когда этикѣ, въ свою очередь, пришлось претвориться въ политику, заняться реальнымъ воплощеніемъ тѣхъ положительныхъ идеаловъ, во имя которыхъ отвергалась старая политика. На почвѣ общности цѣлей люди не могли долго оставаться объединенными. Ихъ вскорѣ разединило разномысліе въ средствахъ достиженія цѣлей. Въ пылу борьбы главныя общія цѣли стали казаться все болѣе

отдаленными. Трудность достиженія ихъ была первой причиною ослабленія того высокаго подъема идеализма, который руководилъ людьми въ началѣ движенія. Въ повседневной упорной борьбѣ стала намѣчаться цѣлая іерархія цѣлей, которая представляла картину торнаго пути для достиженія главной задачи. При выборѣ средствъ, сообразно особенностямъ психологіи классовъ, или темпераментовъ, назрѣла потребность въ организаціяхъ, въ партіяхъ, гдѣ каждый поступался частью своихъ личныхъ взглядовъ и шелъ на извѣстный компромиссъ. Внося свои идеалы въ политику, этика должна была сойтись лицомъ къ лицу съ тактикой, и между обоими началами долженъ былъ установиться извѣстный *modus vivendi*...

Таковъ неизбежный и логическій процессъ политической борьбы. Его психологическая сторона вскрываетъ, однако, цѣлую драму, переживаемую современнымъ намъ поколѣніемъ.

Этика по существу своему идеальна и непримирима. Тактика въ самомъ понятіи своемъ заключаетъ принципъ утилитарный и необходимость компромиссовъ. Какъ примирить верховный идеальный стимулъ нашихъ дѣйствій съ практической необходимостью прибѣгать къ всевозможнымъ сдѣлкамъ съ дѣйствительностью ради торжества конечной задачи? Неужели цѣль оправдываетъ средства?—Таковы мучительные вопросы, которые дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на многихъ самыхъ благородныхъ, самыхъ лучшихъ представителей, выдвинутыхъ освободительнымъ движеніемъ.

И параллельно съ развитіемъ тактики въ ущербъ этикѣ, мы замѣчаемъ другое явленіе.

Тотъ старый прогнившій строй, который, казалось, настолько держится на волоскѣ, что достаточно послѣдняго усилія, чтобы сдуть его съ лица земли, начинаетъ крѣпнуть, вновь завоевываетъ, казалось бы, уже утраченныя позиціи и вступаетъ въ борьбу, которая порою увѣнчивается для него успѣхами.

Пока освободительное движеніе не сходило съ почвы этики, врагъ его корчился, какъ Мефистофель передъ знаменемъ креста. На почвѣ преобладанія тактики онъ находитъ свое старое испытанное оружіе и оказывается нерѣдко болѣе опытнымъ, чѣмъ его молодой противникъ.

Старый врагъ сталъ смекать, въ чемъ дѣло, сталъ понимать, гдѣ ахиллесова пята его противника. Втянуть его

всѣми хитростями и уловками въ тотъ омутъ, изъ котораго самъ онъ не можетъ воспрянуть, низвести его изъ недо-ступной ему высоты этики на давно извѣданную равнину безпринципной тактики,—таковъ планъ, народившійся самъ собою изъ чувства самосохраненія у стараго строя въ борьбѣ съ общественнымъ движеніемъ. И противники его не устояли противъ искушенія. Чѣмъ болѣе обнаруживалась вся его внутренняя несостоятельность, тѣмъ убѣдительнѣе казался аргументъ, что противъ *такого* врага всѣ средства позволительны.

Только этого и нужно было старому чудовищу, которое держалось лишь на соблюденіи правила: цѣль оправдываетъ средства, и которое давно утратило умѣніе различать цѣли отъ средствъ. Принимая тотъ же тактическій лозунгъ, освободительное движеніе сходило съ своей высоты, добровольно лишало себя крыльевъ и опускалось въ ту равнину, гдѣ борьба могла вестись только хитростью и жаломъ змѣи, а не могучимъ взмахомъ орлиного полета.

Развѣ не такова въ сущности смѣна надеждъ и разочарованій, порывовъ молодости и настроенія деморализаціи, которыя чередуются въ исторіи нашего освободительнаго движенія!

Итакъ, что же, вы отрицаете тактику?—спросить у насъ читатель-скептикъ, который скажетъ, что все это прекрасно, но, въ концѣ-концовъ, не болѣе какъ слова, не считающіяся съ практическими и неустраняемыми условіями всякой политической борьбы.

Отрицать тактику было бы полнымъ абсурдомъ не только съ точки зрѣнія политика-практика, но и съ точки зрѣнія истиннаго идеалиста. Если вѣрить въ реальность идеала, то такая вѣра равносильна убѣжденію въ его воплотимость, въ конечную осуществимость его въ жизни. Вѣра въ одинъ отвлеченный идеаль правды и справедливости есть та вѣра, которая „безъ дѣлъ мертва есть“. А каждая попытка осуществить идеаль есть попытка не принизить идеаль къ дѣйствительности, а возвысить до него эту дѣйствительность, одухотворить ее. Тактика не отрицается въ данномъ случаѣ, но подчиняется этикѣ. Она сохраняетъ по отношенію къ послѣдней служебное положеніе и никогда не возводитъ средства въ цѣли.

Этика и политика не могутъ совпадать, ни какъ равнозначущія понятія, ни какъ цѣлое и часть его. У политики

есть своя самодовлѣющая область, свои методы и приемы дѣйствія, которыя не должны *противорѣчить* мотивамъ этики, но не могутъ руководиться только ими. Никакая политическая партія не можетъ быть жизнеспособной, если ея дѣятели будутъ только моралисты, а не политики, и ея программа будетъ состоять изъ кодекса прописи.

Главное возраженіе политическаго оппортунизма состоитъ именно въ указаніи практической несостоятельности *одной* лишь морали въ области политической борьбы. Но основной грѣхъ такой аргументаціи заключается въ томъ, что никто и не отрицаетъ, что *одна* этика не составляетъ *всего* содержанія политики, что въ тактикѣ каждой партіи, въ *техникѣ* и выборѣ средствъ дѣйствуетъ логическій принципъ цѣлесообразности, холоднаго разсудка, а не чувства. Однако соотношеніе этики и тактики въ каждой данной партіи рисуется намъ какъ соотношеніе души и тѣла. У тѣла есть свои законныя потребности и запросы, но все же оно остается средствомъ, а душа—цѣлью человѣческаго существованія.

Мы полагаемъ, что въ политикѣ необходимъ широкій просторъ въ выборѣ средствъ. Какъ и всякое движеніе и дѣйствіе, политика есть эволюція, а сущность эволюціоннаго развитія состоитъ въ томъ, что въ немъ чередуется значеніе разнообразныхъ элементовъ, входящихъ въ него. Практическія соображенія могутъ заставить политика пожертвовать той или другой подчиненной цѣлью, или хотя бы совокупностью всѣхъ ихъ для достиженія результата, желательнаго по отношенію къ главной цѣли. Дѣйствуя въ данной реальной обстановкѣ, политикъ учитываетъ совокупность условий, влияющихъ на тактической методъ борьбы. Но если разнообразныя средства дозвольтельны и понятны для достиженія главной цѣли, то мы не можемъ не признать, что между этими средствами и той цѣлью, которой они служатъ, всегда остается отношеніе не только механическое, но и органическое. *Средства могутъ черпать свои силы изъ всевозможныхъ источниковъ, не совпадающихъ по содержанію съ цѣлью, но они не могутъ противорѣчить ей.*

Если, напр., главной этической цѣлью дѣйствій ставится принципъ свободы, то средства при всемъ ихъ разнообразіи не могутъ состоять въ неправомерномъ насиліи.

Свобода, какъ движущій принципъ, какъ цѣль должна быть не отвлеченнымъ, а конкретнымъ идеаломъ, т.-е. проникать во всѣ проявленія жизни и прежде всего въ тактику ея поборниковъ. Какъ скоро изъ ложнаго оппортунизма они прибѣгаютъ къ неправомѣрному насилію, они, сами того не замѣчая, подмѣниваютъ свой живой идеалъ мертвымъ идоломъ. И то, что достойно осужденія въ области нравственной, становится вмѣстѣ съ тѣмъ нецѣлесообразнымъ въ области практической.

Противорѣчіе средствъ съ основнымъ принципомъ создаетъ органическую неправду и неискренность. Оно парализуетъ сердце организаціи и не можетъ не сказываться въ паденіи энтузіазма, который есть движущее начало партіи. Для всякаго соединенія людей важнѣе всего внутреннее единство, прямая, искренняя постановка основныхъ общихъ имъ цѣлей. Это единство есть понятіе нравственнаго порядка; когда оно подмѣняется искусственнымъ единствомъ организаціи въ цѣляхъ *только* тактическихъ, то послѣдняя утрачиваетъ не только свою нравственную силу, но и реальную жизнеспособность.

Самымъ типичнымъ образцомъ такого соединенія является современное Русское государство, представляющее громадное тѣло безъ воодушевляющей его нравственной идеи, и потому беззащитное передъ ударами всякой организаціи, въ которой жива душа, живо этическое начало. Но вѣковое вліяніе безнравственнаго господства тѣла надъ душой въ государственномъ организмѣ не осталось безъ слѣда и въ насъ самихъ, и порывъ идеализма не освободилъ еще и насъ самихъ отъ тлетворныхъ испареній, впитанныхъ нами съ рожденія.

Этотъ упрекъ справедливъ по отношенію не только къ тѣмъ или другимъ организаціямъ, но и къ отдѣльнымъ людямъ, которые, признавая въ душѣ безнравственными компромиссы, на которые идетъ данная партія, не рѣшаются скинуть съ себя ея оковы. Они указываютъ въ свое оправданіе на высокія цѣли, ради которыхъ приносятся эти нравственныя жертвы, на свое безкорыстіе и даже на то тяжелое состояніе, которое испытываетъ ихъ совѣсть ради блага родины. Но эти обстоятельства не оправдываютъ, а скорѣе служатъ ихъ осужденію, указывая на то, что они сознательно вступаютъ въ сдѣлки съ совѣстью. Развѣ это

не есть маловѣрие и нравственная несостоятельность? Если бы они, дѣйствительно, вѣрили въ идеаль правды, въ ихъ душѣ не могло бы и возникнуть предположеніе, что его можно осуществить при помощи кривды. Они мнятъ, что имъ удастся сразить тотъ источникъ зла и рабства, который воплощается для нихъ въ существующихъ учрежденіяхъ, но они не видятъ „бревна въ своемъ глазѣ“.

Не дряблымъ и безвольнымъ людямъ, которые безсилны стряхнуть съ себя то, что сами сознаютъ, какъ оковы партійнаго рабства, не такимъ людямъ удастся водворить свободу и культуру въ Россіи. Вчерашніе вынужденные рабы, они останутся добровольными рабами новаго владыки. Пламенная вѣра въ идеаль подмѣняется у нихъ тѣмъ идолопоклонствомъ, которое заглушаетъ голосъ совѣсти криками: велика Артемида Эфесская! Ихъ половинчатая вѣра въ идеаль есть вѣра того ангела, про котораго сказано: „Знаю твой дѣла: ты ни холоденъ, ни горячъ; о если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ: то извергну тебя изъ устъ Моихъ“.

Нѣтъ, не такимъ людямъ спасти Россію. Рано или поздно она найдетъ въ себѣ силы возродиться изъ того состоянія, которое уже 50 лѣтъ тому назадъ такъ живо чувствовалъ Тютчевъ:

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и иссушенъ
Невыносимое онъ днесъ выносить!..
И сознаетъ свою погибель онъ
И жаждетъ вѣры... но о ней не проситъ.
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью!“

Та Россія, ради которой мы боремся, которую мы любимъ и въ которую мы вѣримъ, скована своими немощами, своими грѣхами, господствомъ тѣла надъ духомъ. Наша самонадѣянность заставляла насъ думать, что, сбросивъ внѣшніе путы, мы легко и скоро станемъ другими, вступимъ на путь истиннаго обновленія, но внутренніе путы вѣкового рабства, дряблости и невѣжества оказываются сильнѣе всякихъ внѣшнихъ преградъ.

Наша вѣра въ магическое вліяніе законовъ на улучшеніе нравовъ есть характерная для Россіи черта; еще въ школѣ та исторія, которой насъ учили, была скорѣе исторіей русскаго правительства, чѣмъ русскаго народа. Теперь народъ призывается самъ быть творцомъ своихъ законовъ. вмѣсто односторонняго давленія сверху устанавливается живое взаимодѣйствіе между народомъ и его учрежденіями. Послѣднія будутъ, конечно, продолжать дѣло школьнаго учителя, но только продолжать. Долгій и упорный трудъ воспитанія предстоитъ нашему поколѣнію. Эра свободной и культурной Россіи настанетъ только тогда, когда рабство и невѣжество изгонятся изъ сердца и ума ея гражданъ.

Но если мы хотимъ вложить свой кирпичъ въ это зданіе лучшаго будущаго, то наша *политика* должна стать дѣйствительнымъ отраженіемъ вѣчныхъ идеаловъ этики.

Кн. Григорій Трубецкой.

О береженіи прошлаго.

„Нужно, чтобы теперешній человекъ голый остался на голой землѣ.“

„Савва“ Л. Андреева.

Въ такую пору, какъ эта, намъ надо особенно беречь прошлое. Не то прошлое, разумѣется, что тщетно ставить преграду за преградой стремительному ходу жизни, но прошлое, ставшее призракомъ почти безтѣлеснымъ. Не формы устройств государственныхъ и общественныхъ, не былой разумъ, сдѣлавшійся нынѣ предрасудкомъ, но слѣды отдѣльныхъ людей, ихъ нравовъ, ихъ быта, ихъ творчества. Надо съ любовью беречь разрозненные и заброшенные отдѣльные остатки, чтобы съ помощью ихъ прибавлять усердно черту за чертой къ угасающему облику былой культуры. Теперешній переворотъ, навѣрное, не приведетъ насъ къ полному раскрытію культурныхъ условій, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ. Революція началась и закончится, вѣроятно, во всемъ строѣ условій, созданномъ освобожденіемъ крестьянъ. Но въ ней откроются и намѣтятся начала культуръ еще новыхъ, еще грядущихъ. И вотъ все былое, далекое теперь, станетъ тогда еще дальше, еще глубже уйдетъ за завѣсу времени и событій. Сколько вещественныхъ знаковъ прошлаго, сколько драгоценныхъ памятниковъ его можетъ сверхъ этого погибнуть въ потрясеніяхъ великой разрухи! Признаемся, сколько погибло ихъ въ недавнее еще „спокойное“ время. Увы! Разрушитель Савва въ драмѣ Л. Андреева грозитъ прошлому огнемъ, но онъ хоть понимаетъ значеніе его, онъ хочетъ бороться съ великимъ

противникомъ. А тѣ смиренные и равнодушные, кто неспособны ни создать, ни разрушить, кто съ легкимъ сердцемъ взирали на небреженіе, на забвеніе и гибель, лучше ли они? На ихъ глазахъ и на нашихъ сколько совершилось золь и сколько еще совершится.

Будемъ говорить о художественной культурѣ конца XVIII и начала XIX столѣтій. Строй жизни, ей сопутствовавшій или благопріятствовавшій, оставимъ въ сторонѣ. Надо ли ненавидѣть тѣнь въ тѣ дни, когда преодолѣвается живое сопротивление? Оцѣнимъ, наконецъ, величественно вѣкъ Левицкаго и Боровиковскаго въ живописи, Растрелли и Казакова въ архитектурѣ, вѣкъ несравненныхъ дворцовъ и волшебныхъ парковъ. Вѣкъ, когда только однажды въ русской жизни дыханіе искусства пронеслось живительнымъ токомъ по фасадамъ домовъ, по аллеямъ и рѣшеткамъ садовъ, возшло въ комнату, наполнивъ ее чуднымъ убранствомъ, украсило ткань, мебель, бездѣлушку, вѣеръ въ рукахъ красавицы. Жизнь обрѣла тогда свой ликъ и созданъ стиль. Напрасно указывать, что онъ не былъ нашимъ исконнымъ: онъ пришелъ къ намъ съ Запада, но сдѣлался роднымъ и близкимъ. Грустная поэзія Louis XVI в. залетѣла въ далекія наши деревни и тамъ, въ пору печальной осени, надгробныя урны и уединенныя бесѣдки сочetaлись навѣкъ неразрывно съ „золотомъ и багрецомъ“ нашихъ кленовъ и березъ. Величественныя и строгія колоннады Empire стали красой и гордостью нашихъ храмовъ, нашихъ городовъ. Сколько своеобразной прелести въ этихъ неожиданныхъ напоминаніяхъ подъ сѣвернымъ небомъ о вѣчной сказкѣ человѣчества, объ Элладѣ. Россія не знала готики, средневѣковья, національное наше искусство погребено давно и лишь въ самыхъ глухихъ архангельскихъ и олонецкихъ углахъ преданіе о немъ еще растворено въ народной массѣ. Образованные же классы, дѣтище петербургскаго періода, видятъ свое культурное прошлое и чувствуютъ поэзію былого въ запущенныхъ паркахъ, въ покосившихся мезонинахъ, въ затѣйныхъ прудикахъ, откуда ушла вода.

Пока воспоминанія еще богаты. На огромномъ пространствѣ Россіи разбросаны дома старинныхъ имѣній, еще хранящіе и внѣшность и внутреннее убранство прежнихъ вѣковъ. Ихъ разоряли нещадно. Несмѣтное множество уничтожено огнемъ, тѣмъ огнемъ, о которомъ мечтаетъ Савва. Горѣли

картины, гравюры, бібліотеки, брошенные безъ призору въ сараяхъ, новые владѣльцы жгли ветхую, но драгоценную старинную мебель, въ огнѣ пожаровъ лопались зеркала, цѣлые дома рушились и исчезали безслѣдно, оставляя позади себя на землѣ голое мѣсто. Вѣковыя аллеи срублены топоромъ, фонтаны опустошены, расписанныя клавесины проданы на сломъ, ткани, кружева, чудесныя вышивки изодраны, обращены въ прахъ. Всего этого, конечно, уже не вернуть. Но задумаемся хоть теперь и будемъ беречь то, что осталось. Губительство продолжается, каждый день уноситъ съ собою что-нибудь. Въ Москвѣ только что изуродовано зданіе университета, погибъ бывший домъ Тутюмина за Яузой, ломають красивый уголь у Арбатскихъ воротъ. Все это, конечно, лишь частности и не страницы прошлаго, но, можетъ-быть, только строчки. Въ такой ужасный канунъ можно ждать большаго, предчувствовать худшее. Какой итогъ дадутъ волненія въ деревнѣ, что ляжетъ вслѣдъ усобицъ по городамъ? У искусства нѣтъ вѣдъ защитниковъ ни съ той, ни съ другой стороны. Въ русской жизни искусство не пользуется ни уваженіемъ, ни любовью и если жертвы нужны, оно приносится первымъ. Какая участь ждетъ его въ столкновеніи между старыми преступными небрежниками и молодыми похитателями прегняго міра? Поймемъ ли мы хоть такъ, какъ понялъ это французскій народъ, что опустѣвшій Версаль болѣе не врагъ? Въ чемъ можно найти надежду такъ предполагать, чѣмъ заслужили мы право на зрѣлость въ этомъ отношеніи? Съ болью признаемся, что ни въ чемъ и ни чѣмъ.

Задачи храненія памятниковъ былой культуры, заботы о нихъ, превышаютъ, конечно, индивидуальныя силы. Ихъ можетъ полно осуществить лишь сила государства и общества. Теперь и то и другое поглощено изнурительной борьбой. Поэтому, не безплодны теперь и старанія отдѣльныхъ лицъ. Вѣдь нѣтъ почти ни одной семьи изъ средне-высшихъ классовъ, гдѣ не сохранились бы намѣренно или случайно вещи извѣстной художественной или исторической цѣнности. Кто знаетъ, какіе еще результаты можетъ дать внимательная и серьезная работа, направляемая знаніемъ и любовью, въ этомъ дѣдовскомъ наслѣдіи. Будемъ же беречь какъ зѣницу ока и малыя крохи художественной культуры прошлаго. Проникнемся должнымъ къ нимъ уваженіемъ. Вѣдь рѣчь идетъ не о камняхъ, не о кусочкахъ дерева и ткани. Въ

Этихъ малыхъ вещахъ воплощена душа минувшихъ поколѣній. Ими свершается великій законъ преемственности духовной жизни, той преемственности, которая должна лечь необходимымъ основаніемъ и будущей нашей художественной культуры.

П. Муратовъ.

Горе грѣха.

I.

Иванъ Петровичъ самъ хорошо не помнитъ, какъ это случилось. Что-то очень много кричали, блестяли гнѣвные глаза, бранились, кидали камнями. У солдатъ были такія блѣдныя, зловѣщія лица... И онъ не помнитъ, точно ли онъ сказалъ роковыя слова, не стали ли стрѣлять сами озлобившіеся солдаты?

Помнится, что - то онъ говорилъ. И голосъ у него тогда былъ негромкій и просительный. И онъ не сердился тогда: ему было только неловко, необычно и немного совѣстно.

И когда затрещали залпы, — сначала все оставалось по-прежнему: было неловко, необычно и совѣстно. Когда же разсѣялся пороховой дымъ и передъ глазами заползали искалѣченные воюющіе люди, что - то поднялось въ Иванѣ Петровичѣ кверху, расширилось и застлало глаза.

Послѣ этого онъ шелъ по улицѣ и на него глядѣли лавочки какъ будто бы съ уваженіемъ. „Значить, такъ и надо! — твердилъ Иванъ Петровичъ. — Я правъ, тысячу разъ правъ. Все это было необходимо“.

Разъ-два! Разъ-два! — выстукивали ногами солдаты. Кажется, передніе наступали ему на ноги. Иванъ Петровичъ не прибавлялъ шагу и все думалъ:

„Это необходимо“.

Потомъ какъ-то сразу сдѣлалось непріятно. Почему-то показалось, что солдаты бѣгутъ, что всѣмъ имъ сдѣлалось страшно; чудилось, было сдѣлано что-то роковое, непоправимое, неслыханное, ужасное.

— Куда они такъ торопятся! — говорилъ себѣ Иванъ Петровичъ, когда шедшіе сзади наступали ему на ноги. — Они такъ спѣшатъ!..

И солдаты все шли, и съ каждымъ мгновениемъ чувствовалось, что ихъ шаги дѣлаются все крупнѣе, что сзади — лица дѣлаются все болѣе и болѣе блѣдными и зловѣщими.

— Ров-нѣй!.. — придуреннымъ голосомъ командовалъ Иванъ Петровичъ и, какъ ни напрягался, не слышалъ своего голоса, а ноги сами, вопреки волѣ и командѣ, бѣжали, и еще больнѣе шедшіе сзади наступали на нихъ.

— Ров-нѣй!.. — усиленно твердилъ Иванъ Петровичъ, и чудилось, что возбужденное горячее дыханіе сотенъ людей настигаетъ его, что идущіе сзади люди заглядываютъ ему въ глаза и все прибавляютъ шагу, чтобы убѣжать изъ зараженнаго сѣрой и селитрой воздуха, въ которомъ ползали искалѣченные тѣни живыхъ существъ.

Одно время ему такъ и подумалось: не будь съ ними офицера, всѣ бы они вдругъ, съ криками отчаянія, побросали бы ружья и съ жалобными воплями всѣ побѣжали бы прочь, вразсыпную... И мысль эта была настолько ужасна, что сейчасъ же застучало въ вискахъ и захолонуло въ сердцѣ.

„Что это будетъ? — съ усилениемъ размышлялъ онъ, и ноги его подкашивались и нѣмѣли. — Что это будетъ, если всѣ эти покорные, одинаковые люди, которыхъ дѣлалъ безмолвными одинъ его взглядъ, вдругъ потеряютъ страхъ предъ нимъ и побѣгутъ какъ жалкія овцы? Что будетъ тогда?! — Надо смѣлѣе.“

И онъ старался повернуть назадъ голову и посмотрѣть на идущихъ сзади тѣмъ холодно презрительнымъ взглядомъ, который такъ гипнотизировалъ этихъ людей. Но шея не поворачивалась, и только съ страшнымъ усилениемъ удавалось ему довести взглядъ до своего плеча, гдѣ онъ видѣлъ украшенный звѣздочками лоскутокъ серебряной парчи, и власть этого лоскутка казалась ему призрачной и таяла на его глазахъ.

— Въ чемъ же дѣло? — уныло повторялъ Иванъ Петровичъ, разсѣянно слушая за собою торопливый топотъ грубыхъ сапоговъ. — Развѣ можно было иначе? Развѣ я не давалъ присяги?.. Вѣдь меня учили этому съ дѣтства! Учили съ дѣтства!.. Чему? — Убивать людей.

Онъ вздохнулъ, голова его запрокинулась и ушла въ плечи. Казалось, онъ шелъ по чему-то противно-липкому; ни дать, ни взять, подъ ногами была паутина: ноги въ ней вязли, облипали и путались. „Какъ это всю жизнь не приходило въ голову? Какъ это всю жизнь не приходило въ голову?“ Вотъ казармы.

II.

Иванъ Петровичъ долго ходилъ по двору, по канцеляріи, по квартирамъ начальниковъ. Что-то онъ говорилъ, что-то объяснялъ, прикладывая руку къ козырьку, курилъ; кажется, даже улыбался... Потомъ зашелъ къ своимъ солдатамъ; всѣ встали, когда появился онъ, и почему-то казалось, что до него они о чемъ-то таинственно шушукались, что-то обсуждали, кого-то бранили. Онъ заглядывалъ имъ въ лица. И, несмотря на то, что солдаты не смѣли прятать взгляда отъ начальства, и они, дѣйствительно, показывали Ивану Петровичу глаза, почему-то чувствовалось, что это не глаза, а что-то пустое и неживое, — только наружная оболочка ихъ; самые же глаза спрятались куда-то во внутрь, въ глубину души и смотрѣли оттуда какъ раненые безсильные звѣрки, съ ужасомъ и презрѣньемъ... И Иванъ Петровичъ все тѣснѣе приставлялъ свое лицо къ солдату, какъ бы намѣреваясь всмотрѣться внутрь его и увидѣть глубоко запрятавшихся раненыхъ звѣрковъ.

— Смирно!—кричалъ онъ и, прищурившись, всматривался. Но глаза попрежнему были мертвыми и ничего не было видно въ ихъ жуткой глубинѣ.

Когда Иванъ Петровичъ въ двѣнадцатый разъ (онъ считалъ) обходилъ вокругъ казарменнаго двора, къ нему подошелъ полковникъ и сказалъ:

— Знаете что, голубчикъ: сходите-ка вы домой... жену посмотрите, провѣритесь немножко.

Иванъ Петровичъ сначала не узналъ командира полка. Онъ долго вглядывался въ него. Прямо на него смотрѣли старческіе, устало-добродушные глаза съ ярко красными отвороченными вѣками. Эти вѣки были настолько красны, что у Ивана Петровича слезились глаза, когда онъ на нихъ смотрѣлъ.

Кожа на лицѣ была желтая, сморщенная, поношенная и походила на кожу старыхъ лѣтнихъ штиблетъ, которыя носить штатскіе на дачѣ; полуоткрытый ротъ, яснѣе всего подчеркивавшій старческую слабость, былъ искривленъ какой-то обидно-сострадательной усмѣшкой.

Иванъ Петровичъ только тогда призналъ подошедшаго, когда взгляды его упали на висѣвшій у того на шеѣ большой красный крестъ.

Онъ вздрогнулъ, болѣзненно улынулся и вскричалъ:

— Господинъ полковникъ!

И тотъ улынулся и кожа на лицѣ его собралась въ морщины, — точно зашуршала, какъ высохшіе, осенніе листья. Сѣдыя бакенбарды шевельнулись на груди, полузакрыли крестъ и обнаружили часть тонкой, усѣянной мѣшками, коричневой шеи, болѣе похожей на шею изголодавашагося крестьянина и никакъ ужъ не на шею боевого заслуженнаго офицера. Ивана Петровича впервые поразило яркое несоотвѣтствіе между дряхлостью человѣка и пестротой и блескомъ его воинской формы. Чувствовалось какое-то непримиримое противорѣчіе, чувствовалось, что все это придуманно и, какъ придуманное, недолговѣчно.

— Г. полковникъ! — съ изумленіемъ повторилъ Иванъ Петровичъ, и его поразило, зачѣмъ этотъ старый и дряхлый человѣкъ облеченъ въ неподходящій для него какой-то странный и смѣшной костюмъ вмѣсто того, чтобы носить мягкія покойныя туфли, сидѣть въ халатѣ среди горячопривязанныхъ къ нему дѣтей. Поразило его и то, почему этого слабаго, безильнаго старика зовутъ страннымъ названіемъ „полковникъ“, когда у него есть обыкновенное, человѣческое имя и имя это „Леонтій Тихоновичъ“, такое же мягкое, славное и доброе, какъ его глаза, голосъ и улыбка.

И онъ ласково подался къ нему и обнялъ его за талію, и сказалъ мягко, задушевно:

— Милый, милый, Леонтій Тихоновичъ!

— Право, голубчикъ, провѣтритесь, — сказалъ полковникъ слегка недоумѣвающимъ и печальнымъ голосомъ. — Посмотрите свой домикъ, хозяйство посмотрите.

Иванъ Петровичъ ласково заглянулъ ему въ глаза.

— Да я это сдѣлаю, — сказалъ онъ задумчиво и серьезно. — Я посмотрю.

Онъ повернулся и тихо зашагалъ къ воротамъ.

— Да поклонитесь отъ меня Елизаветѣ Львовнѣ,—услышала онъ за собой старческій голосъ.

Иванъ Петровичъ обернулся съ улыбкой, привѣтливо махнулъ рукой и привѣтливо крикнулъ:

— Непремѣнно, Леонтій Тихоновичъ!..

Онъ все время улыбался, пока шелъ къ воротамъ двора: въ головѣ вертѣлось, какъ на именинахъ Ивана Петровича полковникъ, нафабранный, въ корсетъ, суетился около Елизаветы Львовны, острилъ, цѣловалъ ручку и звякалъ шпорами... Это было мило, невинно и смѣшно. Потомъ подвыпившій полковникъ пѣлъ цыганскіе романсы и, посмѣиваясь, въ присутствіи самого Ивана Петровича, говорилъ Елизаветѣ Львовнѣ:

— Право, что только нашли вы въ Иванѣ Петровичѣ? Развѣ это офицеръ? Это красная дѣвушка, а не воинъ. Въ самомъ дѣлѣ, полюбите меня: что вамъ стоитъ?

III.

Улыбка сразу растаяла на губахъ Ивана Петровича, когда онъ вышелъ за ворота казармы. Подулъ вѣтеръ, песокъ кинулся прямо въ глаза. Проѣзжавшій мимо водовозъ въ рваной рубахѣ покосился на него недружелюбно. Иванъ Петровичъ хорошо замѣтилъ сверкнувшую въ его взглядѣ вражду и, удивившись, сказалъ:

— Что я ему сдѣлалъ?

И сейчасъ же стукнуло въ голову, стукнуло въ сердце, въ ноги и грудь. Иванъ Петровичъ все вспомнилъ, измѣнился въ лицѣ и сказалъ протяжно и тонко:

— Вотъ что я ему сдѣлалъ!

Въ головѣ опять заползали разорванные люди, запахло кровью и порохомъ,—кровью свѣжей, теплой, которая еще дымилась, и трупами людей, которые еще не разложились, а были убиты только что, были еще теплые, какъ живые. Сдѣлалось страшно. Тамъ, за желтыми каменными стѣнами, среди кучи людей, раболѣпно трясущихся при видѣ лоскутка серебряной парчи,—тамъ было спокойно. Здѣсь же, здѣсь не было послушно-одинаковыхъ людей. Изъ всѣхъ тѣхъ здѣсь былъ онъ одинъ, а другіе были—въ синихъ рубахахъ, въ черныхъ пиджакахъ, въ сюртукахъ, въ мѣшковатыхъ пальто... ихъ не гипнотизировала кусочекъ парчи,—и такихъ была масса.

Опустивъ голову, пряча глаза, пробирался по тротуару Иванъ Петровичъ. Нѣкоторые не давали ему дороги, иные разступались передъ нимъ быстро, точно откатываясь и скользя. И въ тѣхъ и въ другихъ одинаково видѣлось чувство ужаса и вражды. Не поднимая глазъ, скользилъ мимо Иванъ Петровичъ и губы его дергались, а руки дѣлались холодными, какъ камни. Онъ уже прошелъ весь центръ города, когда вспомнилъ:

— А что же къ обѣду?

По обыкновенію, являясь домой, онъ всегда приносилъ съ собою женѣ конфетъ или пирожного. Надо было принести и теперь. Почему же не принести? Вѣдь и сегодня такой же день, какихъ было и раньше много, — пятница. Вѣдь если бы это былъ какой-либо особенный, ужасный день, — у него было бы и особенное названіе. А этотъ — самый обыкновенный, самый заурядный. Въ теченіе своей жизни Иванъ Петровичъ видѣлъ безконечное число пятницъ. И были онѣ самыя рядовыя: то холодныя, то жаркія, то солнечныя, то дождливыя... Но, можетъ-быть, онъ ошибается; можетъ-быть, сегодня, не пятница, а какой-то новый, неслышанно ужасный день, какого еще не было?

Онъ осмотрѣлся, подошелъ къ городовому и спросилъ:

— Какой, братецъ, сегодня день?

Городовой мгновенно скосилъ глаза на погоны офицера и, точно прочтя что-то на кусочкѣ парчи, выкрикнулъ, приставивъ руку ко лбу:

— Пятница, ваше высокоблагородіе!

Лицо Ивана Петровича просвѣтлѣло.

— Вотъ, — пятница! — радостно выкрикнулъ онъ и засмѣялся.

— Пятница, пятница! повторялъ онъ, идя дальше, посмѣиваясь и потирая руки.

— Конечно, все—обыкновенно. Навѣрное, былъ дождь, а не былъ, такъ будетъ... Все обыкновенно.

Онъ посмѣивался, поглядывалъ на прохожихъ, потиралъ руки и твердилъ:

— Пятница!.. Пятница!..

Смѣло и развязно, какъ всегда, вошелъ онъ въ кондитерскую. Тамъ онъ долго и внимательно разсматривалъ пирожки, поворачивалъ каждый въ рукахъ и спрашивалъ молоденькую продавщицу:

— Барышня, этотъ съ кремомъ?

Также спокойно подошелъ онъ и къ кассѣ. Когда же онъ вынулъ кошелекъ, чтобы заплатить за купленное, въ головѣ вдругъ мелькнула острая, не обыкновенная мысль:

„Вотъ я убилъ, а у меня, какъ у другихъ, деньги!“

Мысль эта была настолько нова и странна, что сначала Ивану Петровичу показалось, что фразу эту сказала кто-то другой. Вопросительно взглянулъ онъ на кассиршу. Та молчала и ждала, взявшись за ручку автоматической кассы.

„Вотъ я убилъ“, опять пронеслось въ головѣ Ивана Петровича.

— Сколько? — спросила кассирша.

Иванъ Петровичъ вскрикнулъ, отшатнулся и выронилъ кошелекъ.

— Сколько? — переспросилъ онъ съ ужасомъ и вдругъ, поблѣднѣвъ, крикнулъ раздирающимъ слухъ голосомъ:

— Ахъ, почему я знаю!

Внимательныя лица склонились надъ нимъ. Иванъ Петровичъ увидѣлъ себя сидящимъ на стулѣ. Около него стояли двѣ барышни и швейцарь.

— Что это?—Иванъ Петровичъ улыбнулся.—У меня закружилась голова... Я заплатилъ?

Слегка пошатываясь, пошелъ онъ по магазину въ кофейную. Въ горлѣ ощущались сухость и боль, точно вырѣзали у него все небо, и была тамъ какая-то невѣсомая пу-стота.

— Я съ утра еще ничего не ѣлъ!—сказалъ себѣ Иванъ Петровичъ. — Надо выпить хоть кофе, что ли.

Несмотря ни на кого, онъ прошелъ въ самый темный уголокъ залы и велѣлъ подать себѣ кофе. Всѣ столики около были пусты; Иванъ Петровичъ слегка разстегнулъ себѣ на груди сюртукъ и подумалъ:

„Здѣсь тихо. Домой еще успѣю“.

Съ жадностью выпилъ онъ стаканъ. Кофе былъ горячъ, какъ огонь, но было пріятно глотать и кипятокъ: внутри что-то оледенѣло. Онъ спросилъ еще кофе, выпилъ еще стаканъ, поднялъ голову и удивился: кругомъ него, за всѣми столиками, сидѣла публика.

„Какъ это я не замѣтилъ!—мелькнуло въ его головѣ.— Народо масса!“

Увидавши въ числѣ сидѣвшихъ барышень, онъ началъ незамѣтно застегиваться и думалъ:

„Какъ много сюда ходитъ студентовъ!“

Смутный говоръ долетѣлъ до его уха. Сначала онъ не обратилъ на него вниманія, затѣмъ слухъ обрѣзали два слова: „стрѣляли залпами“. Иванъ Петровичъ вскинулъ было голову, но сейчасъ же уронилъ ее и склонился надъ стаканомъ.

— Кто командовалъ?—спросилъ женскій голосъ.

— Нѣкто Сокольскій! И представьте: братъ нашего Сокольскаго, удавившагося въ тюрьмѣ.

Горло Ивана Петровича сдавила спазма. Только теперь онъ вспомнилъ о своемъ братѣ-студентѣ, два года тому назадъ арестованномъ за что-то и покончившемъ жизнь въ пересыльной тюрьмѣ.

Маленькій бѣлокурый Владимиръ свилъ изъ обрывковъ наволочки жгутъ и самъ стянулъ себѣ горло. Рассказывали, что его нашли еще ползавшимъ по полу.

— Надо домой, — улыбнувшись студентамъ, сказалъ Иванъ Петровичъ и, бросивъ на столикъ рубль, вышелъ изъ кофейни.

IV.

Когда Иванъ Петровичъ подошелъ къ своему дому, — сначала онъ его не узналъ. Домъ показался ему чужимъ и некрасивымъ, и снѣ долго и внимательно искалъ глазами пуговку электрическаго звонка. Звонилъ онъ и, долго ожидая появленія прислуги, думалъ:

„Какой, однако, беспорядокъ у этихъ людей!“

Когда же дверь открылась и на порогъ появился заспанный денщикъ Ѳедоръ, носившій странную фамилию Борщъ, сразу и отчетливо вспомнилось, что домъ собственный, близкій, уютный и дорогой.

Въ сердце заползли теплыя, освѣжающія мысли: Иванъ Петровичъ не жилъ такъ, какъ жило множество офицеровъ. Былъ онъ женатъ, и жена была красивая и любящая; былъ у него свой домикъ, правда, доставшійся въ приданое за женой, но все же не наемная квартира. Домъ былъ одноэтажный съ уютнымъ мезониномъ, гдѣ помѣщалась элегантно обставленная спальня, въ которой по ночамъ загадочно горѣлъ розовый фонарь. Внизу было всего четыре комнаты, но все было чистенько: былъ и кабинетъ для

Ивана Петровича, и гостиная, и столовая... на семь желалъ отпечатокъ молодой и заботливой женской руки. Одна комната внизу принадлежала Льву Исидоровичу, отцу жены Ивана Петровича. Левъ Исидоровичъ, старый, отставной генераль, собственно и подарилъ молодымъ этотъ домъ. Себѣ онъ оставилъ только одну каморочку, гдѣ всегда пахло шкурами звѣрей и табакомъ. Въ этой каморочкѣ, говорилъ Левъ Исидоровичъ, онъ родился; въ ней же и желалъ умереть.

Отъ розовыхъ тюлевыхъ занавѣсокъ, которыми Елизавета Львовна завѣсила окна, въ комнатахъ всегда казалось какъ-то особенно радостно и молодо. За занавѣсками пѣли канарейки, въ гостиной, въ акваріумѣ, плескались красныя рыбки.

„Ахъ, милая!—восторженно подумалъ Иванъ Петровичъ про жену, и сердце его сжалось отъ острой грусти.—Милая, милая, милая! —повторялъ онъ, иди за денщикомъ.—Какъ все это она умѣетъ.“ И сейчасъ же тоска по чему-то невознаградиво утраченному оледенила умъ. Захотѣлось вскрикнуть во весь голосъ, дико, отчаянно, безумно... Иванъ Петровичъ еле сдержался и спросилъ денщика:

— А барыня дома?

— Уѣхали на площадь,—глухо отвѣтилъ денщикъ.

„На какую?“ хотѣлъ было спросить Иванъ Петровичъ, но взглядъ его встрѣтился со взглядомъ солдата, и оба мгновенно почувствовали, что оба знаютъ.

— Ну, а Левъ Исидоровичъ?—хмуро сказалъ Иванъ Петровичъ, отстегивая саблю.

— Они сидятъ, запершись.

Вся кровь бросилась въ лицо Ивану Петровичу. Онъ близко подвинулъ свои, горящіе ненавистью, глаза къ денщику и крикнулъ:

— Запершись?! Да какъ ты смѣешь такъ говорить?... Да какъ смѣешь?!

Солдатъ попятился, заморгалъ глазами.

— Я, ваше высокоблагородіе... — Онъ спрятался въ сумракъ прихожей. Влестѣли только глаза да неровныя зубы.

Иванъ Петровичъ безобразно затопалъ ногами и закричалъ визгливо, со слезами въ голосъ:

— Запершись!.. Грубишь, каналья!..

Судорога сдавила горло. Иванъ Петровичъ постоялъ передъ солдатомъ, потрясъ головой и разбитой походкой побрелъ къ себѣ въ кабинетъ.

„Она, стало-быть, знаетъ... узнала... — думаль онъ про Елизавету Львовну. — Потѣхала на площадь... Ахъ, если бы этого никогда, никогда не было!..“

Проходя мимо комнаты Льва Исидоровича, онъ сначала замедлилъ шаги, весь съезжился, точно собираясь пройти неслышно, потомъ выпрямился и твердой рукой дотронулся до скобки двери. Дверь была заперта.

— Генераль, — сказалъ Иванъ Петровичъ негромко.

Стояло молчаніе.

— Генераль, это я. — Голосъ оборвался.

Опять ничего не отвѣчали. Иванъ Петровичъ поторкалъ дверью и поплелся къ себѣ.

Въ кабинетѣ, вопреки обыкновенному, былъ беспорядокъ. Навалены были карандаши и бумаги. На сукнѣ чернѣли пятна. Точно кто-то писалъ письмо, потомъ чего-то испугался и выбѣжалъ изъ комнаты, все побросавъ.

— Скверно! — задумчиво проговорилъ Иванъ Петровичъ.

Онъ сѣлъ къ письменному столу, положилъ голову на его холодный барьеръ и сталъ думать.

Легкое покашливаніе заставило его приподняться. Въ кабинетѣ былъ Левъ Исидоровичъ.

— Ахъ, генераль, — выкрикнулъ Иванъ Петровичъ и густо побагровѣлъ.

— Это вы, папаша? Какъ вы меня испугали!

— Генераль, да, — какимъ-то особеннымъ, точно вздыхающимъ, голосомъ сказалъ Левъ Исидоровичъ и протяжно зѣвнулъ. — Ты ко мнѣ заходилъ? Да, да. Я, братъ, того... вздремнулъ немного.

Онъ опять зѣвнулъ, и было видно, что онъ дѣлаеть это нарочно, чтобы подчеркнуть свое будто бы обычное настроеніе.

Пока Иванъ Петровичъ на него смотрѣлъ, старикъ удерживалъ на лицѣ глаза спокойными... но, какъ-то отвернувшись и потомъ сразу взглянувъ въ лицо генерала, Иванъ Петровичъ сейчасъ же замѣтилъ, что глаза у него бѣгаютъ, какъ мыши, а вѣки дрожать.

— Что это вы, отецъ, — сказалъ онъ унылымъ и зловѣщимъ голосомъ. — Вамъ точно не по себѣ?.. Больны вы что ли?..

Левъ Исидоровичъ вскинулся, поперхнулся и заговорилъ быстро-быстро, заикаясь и путаясь:

— Что ты, что ты, что ты?! Я спалъ... Говорю, спалъ... Скажи, пожалуйста,—смѣшно!

— Папа!—вдругъ безнадежно-уныло сказалъ Иванъ Петровичъ и стремительно всталъ со стула. Глаза его погасли, страшная усмѣшка перечеркнула лицо, щеки покрылись пятнами. — Вы вотъ были на войнѣ... А приходилось ли вамъ... приходилось ли вамъ...—Онъ не договорилъ.

— Что?—коротко и беззвучно, одними губами, спросилъ Левъ Исидоровичъ.

— Отецъ!—еще разъ выкрикнулъ Иванъ Петровичъ и на мгновенье запнулся.—Вотъ у меня жена. Милая, любимая жена... У насъ домъ... (Онъ чуть было не сказалъ: „розовый фонарь, канарейки“). У насъ все для счастья... и вдругъ... Одинъ день, одинъ мигъ—и все!... и вѣдь такъ могло каждое мгновенье!... И какъ все это не приходило въ голову!..

Онъ хотѣлъ засмѣяться и зарыдалъ, и ударилъ себя по головѣ, и задохнулся, и началъ биться головою о столъ, что-то визгливо крича и на что-то жалуясь.

V.

Оба они не услышали, какъ въ комнату вошла Елизавета Львовна. Иванъ Петровичъ поблѣднѣлъ и, быстро пряча отъ нея глаза, поцѣловалъ ея руку. Рука Елизаветы Львовны была холодна, какъ ледъ, и Ивану Петровичу показалось, что жена выдернула ее съ какой-то дрожью.

— Ну, какъ дома?—напрягши силы, спросилъ Иванъ Петровичъ и попытался улыбнуться.

Елизавета Львовна подняла брови.

— Дома?—переспросила она, какъ бы не разслышавъ и вдумываясь.—Ты говоришь: дома?.. Дома?!

Она прочла что-то въ его глазахъ и добавила упавшимъ голосомъ:

— Ну, ничего... Дома все хорошо...

Было неизвѣстно, что говорить дальше. Плавали въ умѣ яркя, раскаленные слова, но стиснутые зубы ихъ не пропускали.

— Что жъ, надо обѣдать,—проговорила, наконецъ, Елизавета Львовна. Голосъ ея сорвался, и заурядная фраза вышла угрожающей, и суровая насмѣшка зазвенѣла въ ней.

Обѣдали молча. Старый генераль все начиналъ что-то говорить,—и не договаривалъ. Углы губъ его не двигались. За десертомъ онъ пролилъ красное вино, и Иванъ Петровичъ долго и внимательно-задумчиво, словно припоминая что-то, смотрѣлъ на бѣлую скатерть, пока Левъ Исидоровичъ засыпалъ пятно солью.

Послѣ обѣда онъ вышелъ въ кабинетъ и притворилъ за собою двери. Сначала онъ сѣлъ за столъ и началъ было читать какую-то, подвернувшуюся подъ руку книжку. Но скоро заломило затылокъ. Сдѣлалось такъ больно, что Иванъ Петровичъ схватился за голову и застоналъ:

— Ой! Ой!..

Чувствуя легкую тошноту, онъ легъ на диванъ на спину, сложилъ руки на груди и закрылъ глаза. Стало такъ страшно тихо, что сейчасъ же представилось, что онъ — одинъ... недвижимъ... на площади. Иванъ Петровичъ открылъ глаза и сталъ смотрѣть на стѣны кабинета, увѣшанные ружьями, кинжалами и старинными касками. За окнами сверкнуло умиравшее солнце, по блестящей стали неуловимо быстро пробѣжало что-то острое, и въ головѣ вскинулось:

— Орудіе смерти!

Онъ какъ-то особенно, медленно и съ злобнымъ уныніемъ проговорилъ:

— Орудіе смерти! Это страшно!

Далекія, стародавнія мысли поползли передъ глазами. Была ночь. Ихъ первая, свободная ночь, когда училище было оставлено. Они кутили въ загородномъ ресторанѣ. Подвыпившій Павловъ вдругъ выхватилъ свою саблю, и они стали другъ противъ друга и начали звенящими ударами вышибать ихъ одинъ отъ другого. Разгорѣлись тогда глаза у Павлова. Разъ онъ такъ взмахнулъ саблей надъ головой Ивана Петровича, что тотъ едва успѣлъ присѣсть на полъ. Павловъ хохоталъ и кричалъ, отсѣкая саблею горлышки бутылокъ:

— Вотъ какъ я буду ихъ, рябчиковъ!

„Рябчиковъ“!.. Откуда эта взаимная вражда, обоюдное нерасположеніе, ссоры и убійства? Развѣ не дѣти одной зе-

мли? Развѣ безъ мундира не думалось бы одинаково? Развѣ иногда въ деревнѣ, на дачѣ, когда надѣнешь простую рубашку, безъ погонь, безъ орденовъ, не чувствовалась связь съ землей, общее родство съ тѣми, съ другими?.. Почему надѣвший мундиръ обязанъ убивать?.. И спросилъ ли онъ *тѣхъ*: чего вы хотите?

... Припоминается еще: какъ-то на именинахъ полкового командира они ночью, кажется, даже съ тѣмъ же Павловымъ, бѣшено мчались, стоя въ экипажахъ, по лѣсу и съ наслажденіемъ рубили вѣтки деревьевъ; имъ казалось, что рубили они враговъ.

Почему почувствовалось наслажденіе? Почему *хотѣлось* убивать? Почему? Почему? Зачѣмъ онъ убилъ? Что они ему сдѣлали?

VI.

Дѣтство проходитъ передъ глазами Ивана Петровича.

Вотъ онъ маленькій мальчикъ въ бѣлой курткѣ, съ голыми ножками, бѣгаетъ въ липовомъ саду.

— Съль Иванъ-царевичъ на сѣраго волка, — говорить ему засыпающая нянька, и...

Онъ не слушаетъ, что было затѣмъ. Не слушаетъ себя и засыпающая нянька: она уже спитъ. Зачѣмъ сказки, когда липы кругомъ такъ хороши? Зачѣмъ Иванъ-царевичъ, когда липы вокругъ такъ много невинныхъ цвѣтговъ? И волка не надо: маленькаго Ваню носить быстрѣе волка его голыя ножки... Ахъ, какъ чудесно пахнетъ липами, какъ хочется жить!

Потомъ забѣжалъ онъ на кухню. Тамъ на лавкѣ сидѣлъ пьяный кучеръ Федотъ и бранился, потряхивая головой. Ваня смотрѣлъ на него съ ужасомъ: зачѣмъ бранятся, когда липы такъ хороши?

Федотъ вышелъ изъ кухни, изо всей силы хлопнувъ дверью. Поднялись крики. Толстая, грязная кухарка Марья, всхлипывая, сидѣла на корточкахъ на крыльцѣ и смотрѣла передъ собою внизъ. Маленькій Ваня подбѣжалъ. Около двери въ темно-бурой жижѣ лежало что-то крошечное, безпомощное, разорванное и корчилось отъ боли и безсильно махало бархатными лапками, и тонко-тонко пищало:

„Мя-у“...

Длинные, грязно-сѣрые живые куски ползали за маленькой кошечкой, когда пыталась она продвинуться съ мѣста.

Пьяный Оедоть придавилъ дверью кошечку! Какъ плакаль маленький Ваня!

Далѣе: блѣдная, слабо улыбающаяся мать,—мама, о которой почему-то думается непременно вмѣстѣ съ цвѣтами душистой яблони надъ головой. Какъ она утѣшала его: „Будеть жить кошечка! Будеть жить!..“

Затѣмъ: городъ, ученье въ корпусѣ. Въ первый же день его больно прибили въ классѣ. Ночью онъ, плачущій, пришелъ къ воспитателю:—„къ мамѣ хочу!“ Воспитатель поставилъ его въ уголь, подъ часы. На другой день его снова били. Его такъ и прозвали „къ мамѣ хочу“; надъ нимъ издѣвались до тѣхъ поръ, пока онъ и самъ не понялъ, что хотѣть къ мамѣ совѣстно, что надо хотѣть курить, хотѣть драться и обманывать воспитателей, но не хотѣть къ мамѣ. Черезъ недѣлю онъ уже умѣло давалъ обидчикамъ „сдачи“. А тамъ какъ-то дрались они въ темномъ коридорѣ, оба двѣнадцатилѣтніе, безобразно махая руками и попадая другъ другу въ щеки и глаза.

Лганье, „сдуванье“, карцеры, единицы, ученья съ деревянными ружьями... Въ то лѣто, въ тихой деревнѣ, душистая липа его не узнали: онъ залѣзалъ на нихъ, отыскивая среди вѣтвей птичьи гнѣзда, онъ билъ камнями воронъ и мечталъ: „Отецъ купить мнѣ монтекристь“.

Онъ ужъ не называлъ себя Ваней: онъ былъ „Монтигомо, врагъ блѣднолицыхъ“. Съ товарищами онъ серьезно обсуждалъ, какъ убѣжать въ Америку... „Врагъ блѣднолицыхъ!..“

Какой-то особенный, метафорическій смыслъ кроется въ двухъ короткихъ словахъ.

Еще и еще зима и лѣто. Въ деревнѣ у него уже полкъ новобранцевъ. Бѣловолосая мелкота старательно выстукиваетъ по дорогѣ черными пятками, а въ рукахъ у Вани ременный хлыстъ. И покажись на дорогѣ собака! Палки и камни летятъ вслѣдъ голодному деревенскому псу. Ваня не доволенъ, если тотъ убѣжить неизбитымъ. Одинъ разъ они заколотили собаку до смерти. „Солдаты“ несли ее въ ящикѣ въ лѣсъ, а Ваня шелъ впереди, кадилъ утащенной у старой няньки лампадкой и пѣлъ „со святыми упокой!“

Губы Ивана Петровича кривятся застѣнчивой и приниженной улыбкой. Вспоминается братъ, блѣднолицый Владимиръ. „Нарядились въ странный, смѣшной костюмъ, надѣли

орудія смерти и дали совершенно неизвѣстнымъ имъ людямъ клятву во всякое время дня и ночи убивать своихъ ближнихъ. Ярко блестятъ кресты: „Я убилъ столько-то!..“

Тихо смотрится въ окна умершая ночь. Деревья шепчуть:
— Ты убилъ столько-то!

Какъ смѣялся раньше надъ такой „философіей“ Иванъ Петровичъ! Онъ издѣвался надъ нею всегда, при всякомъ удобномъ случаѣ, какъ умѣлъ; не доставало словъ, онъ просто бранился. Онъ пересталъ смѣяться только тогда, когда ученые свое Владимиръ закрѣпилъ смертью.

Смертью!.. Эта ужасная смерть темной, безглазой ночью, при гробовомъ молчаньи каменнаго мѣшка! Всѣ спали; и только одинъ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на постели и вилъ изъ разорванной наволочки жгутъ. Что онъ думалъ, что чувствовалъ, когда плелъ этотъ чудовищный жгутъ? Дрогнули ль руки?! Ахъ!..

Невидящими глазами осматривается Иванъ Петровичъ вокругъ. Кругомъ ночь. Та же безлунная, безглазая ночь. Всѣ сняты, и тѣсно сдвинулся вокругъ каменный мѣшокъ! Деревья кричатъ въ окно:

— Ты убилъ столько-то!

— Спасите!..

VII.

— Ну, Иванъ, голубчикъ, — подлѣ стоитъ Левъ Исидоровичъ. Лицо его хмуро, глаза бѣгаютъ — Ты... не волнуйся... Это... ничего... Это бываетъ. Ничего не подблаетъ.

Старый генералъ волнуется. Иванъ Петровичъ это видитъ и чувствуетъ.

— Ничего не подблаетъ, — шепчетъ онъ и повторяетъ снова, съ убѣжденіемъ: — ничего не подблаетъ.

Особенный, угрожающее сокровенный смыслъ вкрадывается въ эту короткую фразу. „Ничего не подблаетъ“ — значитъ: „Теперь ужъ не вернешь, все покончено“.

— Левъ Исидоровичъ, — онъ смотритъ на генерала простодушно - просительными глазами. — Скажите: если я мучаюсь, значитъ я не злой и не звѣрь? Значитъ изъ души моей не было вытравлено жизнью *то*... помните: душистая липы, голова блѣдной женщины, цвѣтушія яблони... Помните?

— Помню, — уныло, соглашается Левъ Исидоровичъ и кусаетъ губы. — Ты лягъ... надо компрессъ.

Иванъ Петровичъ чувствуетъ, что старый генераль боится и не понимаетъ. Этого онъ и не могъ знать. Впрочемъ, все равно.

Ласково кладетъ Иванъ Петровичъ къ нему на плечи руки и тихо шепчетъ:

— Папаша, вы не понимаете? Вамъ неясно? Я сейчасъ. Помните, я бѣгалъ тогда въ бѣлой курткѣ, и ноги у меня были голыя? Какъ плакалъ я тогда надъ котенкомъ, котораго раздавилъ дверью пьяный Федотъ. Вы помните?

— Да, конечно, — медленно соглашается Левъ Исидоровичъ и прячетъ глаза. — Федотъ, конечно...

— Вотъ Владимиръ говорилъ: „стоитъ только сказать всѣмъ: „Не хотимъ убивать“ — и смерти не будетъ. Вѣдь какъ это ни невѣроятно, а вѣдь каждый, отказываясь убивать, съ основаніемъ можетъ рассчитывать на то, что, наконецъ, величайшій обманъ будетъ открытъ... и уже не окажется тѣхъ людей, которые пожелали бы наказывать только за то, что человѣкъ не желаетъ убивать своихъ братьевъ. Вѣдь это жъ такъ ясно!

Левъ Исидоровичъ ушелъ. Ему тяжело. Иванъ Петровичъ это видитъ. Странно только, почему не показывается въ кабинетъ его любящая, преданная жена? Ей страшно, — онъ это чувствуетъ. Какъ подойти? И не блеснетъ ли вслѣдъ за улыбкой въ глазахъ ужасъ и отвращеніе? — Все кончено.

Больно рѣжетъ шею высокій воротникъ. Въ мундирѣ тяжело, въ мундирѣ душно. Бѣкія испаренія, отъ которыхъ кружится голова, идуть отъ него. Пахнетъ селитрой. Кружится голова.

— Теперь ночь. Никто не придетъ. Мундиръ можно снять. Кругомъ темная, безглазая ночь. За окномъ кто-то шелеститъ, постукиваетъ и шепчется. Неужели они? Деревья сверкаютъ глазами. Душно. Распахнуть окно.

Теперь въ мягкой черной рубашкѣ гораздо легче. Въ черной рубашкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя носилъ Владимиръ, онъ, Иванъ Петровичъ, больше похожъ на студента, на сельскаго учителя... просто на человѣка.

Вотъ если бы такъ. Отъ этого не убѣжали бы такъ безвозвратно ни желтыя канарейки, ни веселыя рыбки, ни розовый чудесный фонарь. Можетъ-быть, если бъ все оно и ушло, — не казалось бы это такимъ невознаградимымъ...

Владимиръ говорилъ: „Вѣдь существуютъ же просвѣтленные, которые открыто отказываются убивать. Можно ли убійство считать своей завѣдомою цѣлью жизни?“

Владимиръ читалъ большія и серьезныя книги. Послѣ его смерти Иванъ Петровичъ ихъ получилъ. Вотъ онѣ. Положить ихъ на окно и читать. Теперь ужъ не темно.

Недолга лѣтняя ночь. Изъ дымящейся тьмы выплываетъ огромный сверкающій городъ.

„Это не жизнь, — думаетъ Иванъ Петровичъ. — Жизнь должна быть красивой и прочной. Если она построена такъ, что каждую секунду можетъ быть опрокинутой, она построена невѣрно. И какъ это раньше не приходило въ голову, что каждое мгновенье жизнь можетъ рушиться? Стоило ли тогда заводить и воздѣлывать при домѣ садикъ, покупать вещи, клеивать стѣны обоями, вѣшать драпировки и фонари? Вѣдь не могъ же онъ думать, что, убивши, онъ попрежнему станеть сажать невинныя азали, ухаживать за сиренью и любоваться на ландыши, эти чудесныя весеннея цвѣты?“

„Онъ просто не думалъ объ этомъ; а, подумавъ, увидѣлъ все. Онъ не предвидѣлъ того, что былъ долженъ предвидѣть, и теперь... теперь ужъ „ничего не подѣлаешь“.

У окна, на слабомъ лѣтнемъ вѣтеркѣ, передъ нарастающимъ днемъ сидѣть хорошо. Какъ дивно мѣняются краски! Вотъ небо было безжизненнымъ, потомъ вдругъ заалѣло и точно дрогнуло. Небо проснулось. Какъ жить хорошо! Жить настоящей жизнью! Дальше отъ этихъ ревущихъ каменныхъ трубъ, проржавленныхъ куполовъ, отъ стѣнъ этой казармы и тюремныхъ рѣшетчатыхъ оконъ.

„Я страдалъ, — снова думаетъ Иванъ Петровичъ, — значить я не развращенный вполне. Значить во мнѣ еще живо *то...* живо!“

Далекимъ серебрянымъ смѣхомъ смѣются ландыши. Точно крошечные колокольчики звенятъ по убѣгающей вдаль дорогѣ. Пахнетъ сиренью... Жизнь была бы чудесной... если бъ не *то...*

Думать объ этомъ Ивану Петровичу сейчасъ не тяжело. Въ умѣ ужъ давно созрѣло рѣшенье, и теперь — просто. Объ этомъ, кажется, говорить и книга, которую читалъ Владимиръ. Что же? Это логично.

Громадный городъ смотрѣлъ на него въ окно ровно, спокойно, задумчиво. Вотъ верхи городской стѣны тронула

краска: поднимается солнце... Солнце увидить его другимъ. Покраснѣли и зазолотились бѣлыя стѣны. Розовые лучи лягутъ на его просвѣтленное лицо.

Не сводя глазъ съ набѣгавшаго солнца, онъ чуть всталъ и протянулъ руку къ стѣнѣ. Не долго искать: мѣсто знакомое! Розовые лучи лягутъ на его просвѣтленное лицо.

У окна онъ застрѣбился, и лицо его такъ и осталось, подпертое лѣвой рукой, а глаза были открыты, точно любовался онъ громаднымъ городомъ. И громадный русскій городъ смотрѣлъ на него, прямо въ его ясные, открытые глаза—ровно, спокойно, задумчиво.

Набѣжалъ вѣтеръ; слабо шурша, перевернулъ онъ нѣсколько страницъ лежавшей на подоконникѣ книги. У неподвижно сидѣвшаго Ивана Петровича чуть пропущились глаза, точно хотѣлъ онъ прочесть.

Въ книгѣ онъ обманулся: говорила она не то.

„Ты теперь другой человекъ, — стояло въ книгѣ. — Ты не долженъ былъ умирать, надо было жить и работать“.

Медленно скользили по крышамъ золотые утренніе лучи. Большой городъ задумчиво слушалъ, что читали ясные, неподвижные глаза. Розовые лучи легли на лицо... и показалось, что улыбка тронула губы.

Н. Крашениниковъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Послѣ того, какъ духовное единеніе г. Столыпина съ союзомъ русскаго народа было такъ грубо нарушено извѣстнымъ заявленіемъ „Русскаго Знамени“, предсѣдатель совѣта министровъ испыталъ потребность оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ своей страны и Западной Европы. Исповѣдь свою министръ передалъ „Новому Времени“, миновавъ свой офиціозный органъ.

По вопросу объ отношеніи министерства къ союзу русскаго народа г. Столыпинъ сказалъ, что партіи склонны втянуть правительство въ партійность, но это невозможно, ибо у насъ нѣтъ парламентаризма. Собственно говоря, оттого г. Столыпинъ и отрекся отъ парламентаризма, что въ Западной Европѣ, по выраженію казанскаго проф. Залѣскаго, партія, а не народъ править страной. Министръ же, очевидно, хочетъ, чтобы у насъ не партія, а народъ осуществлялъ свое верховенство, и потому обѣщаетъ неуклонный созывъ Думы въ опредѣленный указомъ срокъ.

Нѣкоторые органы печати отмѣтили странность заявленій министра внутреннихъ дѣлъ. По ихъ мнѣнію, всякое правительство отражаетъ соотношеніе общественныхъ силъ въ странѣ, является не болѣе, какъ орудіемъ господствующаго класса и потому не можетъ быть свободнымъ отъ сословно-партійныхъ вліяній, стоять „надъ“ классами. Правительство должно опираться на извѣстную общественную силу, проникаться ея настроеніемъ и дѣйствовать въ согласіи съ ея интересами.

Эти разсужденія вѣрны лишь до извѣстной степени и всецѣло не могутъ примѣняться даже къ конституціоннымъ

странамъ. Недавно лишь въ Германіи произошли событія, наглядно показавшія ошибочность такого упрощеннаго пониманія существа правительственной власти.

Въ Рурскомъ округѣ среди горнорабочихъ вспыхнуло недовольство условіями труда; хозяева не шли ни на какія уступки, держались непримиримо и сурово. Рабочіе не осложняли дѣла забастовкой и стремились уладить дѣло миромъ. Это столкновение обратило на себя вниманіе властей, и въ офиціозной „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ появляется статья, посвященная спору капиталистовъ съ рудокопами. Газета заявляетъ, что требованія рабочихъ справедливы, порицаетъ отклоненіе ихъ владѣльцами копей и говоритъ, что точка зрѣнія, на которую стали капиталисты, свидѣтельствуетъ о преувеличенномъ представленіи о своей силѣ. Эта точка зрѣнія, по мнѣнію офиціоза, должна теперь считаться отсталой, возбуждаетъ раздраженіе рабочихъ и возстановляетъ противъ капиталистовъ общественное мнѣніе.

Это тѣмъ болѣе несправедливо, что предприниматели сами все тѣснѣе организуются въ синдикаты, противъ которыхъ отдѣльные рабочіе безсильны. Послѣдніе также должны объединиться въ профессиональные союзы, которые должны признаваться работодателями. Патріархальныя отношенія въ промышленности уже отошли въ область прошлаго. „National Zeitung“ замѣчаетъ по поводу этой статьи, что послѣ извѣстныхъ рескриптовъ по рабочему вопросу въ февралѣ 1889 года такихъ правительственныхъ заявленій въ области социальной политики еще не появлялось.

На этомъ примѣрѣ, взятомъ изъ современной жизни конституціонной страны, мы видимъ, что далеко не всегда правительственная политика совпадаетъ съ интересами и внушеніями того класса имущихъ, на который опирается или должно опираться буржуазное министерство. Все современное фабричное законодательство, напримѣръ, идетъ вразрѣзъ съ вождѣльніями предпринимателей. На ряду съ цѣлями сословными и классовыми имѣются еще и общественныя цѣли, задачи всенароднаго характера, какъ и международнаго права, которыя должны осуществляться всякимъ правительствомъ.

Съ этой точки зрѣнія заявленіе г. Столыпина не противорѣчитъ истинѣ; сомнѣваться можно лишь въ искренности,

и событія послѣднихъ дней лишь укрѣпили въ насъ эти сомнѣнія.

Можеть-быть, его министерство и остается виѣспартійнымъ только потому, что не встрѣчаетъ поддержки ни въ одной изъ существующихъ партій. Для конст.-демократовъ сближеніе съ нимъ невозможно по присущему ему духу реакціи, для всѣхъ умѣренныхъ партій вообще оно черезчуръ правое, для „союза русскаго народа“ оно слишкомъ лѣвое. Оно просто виситъ въ воздухѣ, между вождельніями трехъ различныхъ по виду, но однородныхъ по существу группъ; придворная аристократія, чиновная бюрократія и истинно-русскіе люди составляютъ тотъ самобытный парламентъ, который давно уже имѣетъ свое отвѣтственное министерство.

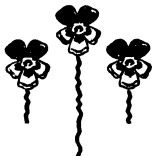
Вся остальная народная масса испытываетъ лишь послѣдствія этого своеобразнаго соотношенія силъ, обречена на подчиненіе своему виѣспартиному парламенту. Съ цѣлью укрѣпленія его все населеніе Петербургской, напримѣръ, губерніи, обращается въ охранную полицію. По волѣ петербургскаго губернатора крестьянскія общества, землевладѣльцы и домохозяева по требованію мѣстной полиціи и ея указаніямъ обязаны наряжать и содержать особые отряды для охраны въ предѣлахъ ихъ владѣній порядка и безопасности. Лично и черезъ своихъ людей эти общества и лица должны содѣйствовать полиціи въ задержаніи и преслѣдованіи преступниковъ. Граждане, которымъ почему-либо покажется, что они должны охраняться, а не охранять, облагаются штрафомъ до 3000 руб.

Съ этой мѣрой можно сопоставить и распоряженіе по акцизному управленію, чтобы всѣ сидѣльцы казенныхъ винныхъ лавокъ *обязательно* вооружались, при чемъ плата за оружіе вычитается изъ содержанія. Если окажется, что мужество сидѣльцевъ и сидѣлокъ не будетъ равняться дерзости злоумышленниковъ, то сидѣльцы, такъ говорится въ циркулярѣ, будутъ удалены со службы и привлечены къ *административной отвѣтственности, какъ соучастники грабителей...*

Въ такой тяжелой атмосферѣ, когда всѣ вооружаются, мы должны подумать о сплоченіи для спасенія тѣхъ ростковъ культуры, которые у насъ *еще* имѣются. Изъ Казани, Петербурга, другихъ мѣстъ приходятъ вѣсти о закрытіи

университетовъ, среднихъ школь. Если правительство не можетъ или не хочетъ быть вѣспартійнымъ, то мы, наконецъ, должны стать безпартійными или, по крайней мѣрѣ, на время позабыть о разногласіяхъ, выйти изъ рамокъ политическихъ организацій и слиться въ одну могучую лигу культуры и обновленія.

Намъ предстоитъ великое общее дѣло, а предъ такимъ дѣломъ смолкаютъ слова и разногласія, предъ культурой должна отступить политика, иначе выйдетъ то, что мы задачамъ дня подчиняемъ вѣчныя цѣли, за деревьями не видимъ лѣса. Разъ навсегда надо признать, что дѣло, какъ бы незначительно и незамѣтно оно ни было, важнѣе и выше мнѣній, словъ. Надо отрѣшиться отъ предразсудка, привитаго намъ Богомъ вѣсть откуда, отъ боязни „малыхъ дѣлъ“, надо понять, что дѣло уже потому выше всякихъ теоретическихъ мечтаній и убѣжденій, что оно воплощаетъ въ себѣ не одну только мысль, но и согласованную волю участниковъ, творцовъ его. Если мы проникнемся этимъ, мы на время оставимъ въ сторонѣ личныя склонности и пристрастія, многое предоставимъ рѣшить мудрому времени, и всѣ, крестьяне и рабочіе, либералы и социалисты, искренніе монархисты и республиканцы ринемся въ святой крестовый походъ на освобожденіе умершей правды.

Печать.

Въ послѣднемъ № „Вѣстника партіи народной свободы“ Влад. Набоковъ горько сѣтуетъ по поводу того, что дѣятельность всѣхъ конституціонныхъ партій ежедневно и повсемѣстно встрѣчаетъ упорное противодѣйствіе администраціи, въ то время какъ въ Кіевѣ, по его выраженію, „открыто и все-народно отплясываетъ свой патріотически-каннибальскій трепакъ союзъ русскаго народа“.

Суть дѣятельности союза русскаго народа — подготовленіе почвы для того государственнаго переворота, который захочетъ смести все, добытое послѣдними годами освободительнаго движенія. Ближайшее средство, которое для этого рекомендуется союзомъ, — измѣненіе выборнаго закона.

Для союза измѣненіе выборнаго закона есть лишь первый шагъ по пути къ восстановленію status quo ante 17 октября. Если и при измѣненіи выборнаго закона не удастся провести въ Государственную Думу истинно-русскихъ людей, при участіи которыхъ государственннй переворотъ могъ бы принять наружно легальную форму, то за вторичнымъ роспускомъ Думы уже должна послѣдовать рѣшительная и окончательная мѣра.

Въ настоящее время отношеніе правительства ко всѣмъ организаціямъ, такъ или иначе примыкающимъ къ союзу русскаго народа, все болѣе и болѣе усложняется. Повидимому, для кабинета начинается становиться яснымъ, куда, въ какую пропасть влечетъ его политика дружескихъ связей съ Дубровинимъ и К^о. Очевидно, то дружеское единеніе, начало которому было положено роспускомъ Думы и послѣдовавшими дѣйствіями правительства, нѣсколько скомпрометировано. Но „истинно-русскіе люди“ отъ этого не придутъ въ уныніе. Они слишкомъ увѣрены въ своихъ силахъ и въ своемъ вліяніи. Это, конечно, не тѣ силы и не то вліяніе, источникомъ которыхъ является могучая общественная поддержка. Союзъ русскаго народа въ лицѣ своихъ главарей слишкомъ хорошо сознаетъ, на чьей сторонѣ русское культурное общество.

Да онъ и не пытается опираться на общественныя силы. Онъ ищетъ и получаетъ поддержку въ другихъ сферахъ, но надо сказать, что, по всей видимости, поддержка эта оказалась шаткой и начинаетъ измѣнять патріотамъ-каннибаламъ.

Въ „Новомъ Пути“ г. Бѣлоруссовъ обсуждаетъ право на существованіе новой „народно-соціалистической“ партіи. Автору представляется насущной практической задачей организациія открытой партіи, въ которой

трудоые элементы народа свободно и самостоятельно выработали бы свою программу и свою тактику, взявъ изъ партійныхъ программъ все, соотвѣтствующее ихъ интересамъ, и откинувъ все, или превосходящее сознанныя уже потребности, или практически невозможное для массъ.

Но этой задачь новая партія не удовлетворяетъ, такъ какъ ея программа недостаточно свободна отъ

предвосхищеній и доктринаризма, стѣсняющаго самоопредѣленіе трудовыхъ массъ.

Составители программы, чтобы обосновать тотъ въѣкласовый социализмъ, который красной нитью проходить черезъ всю проектированную программу, утверждаютъ:

„Необходимо всю землю, всё орудія и материалы, всё средства производства сдѣлать общественною собственностью... Необходимо, дагѣе, все производство сдѣлать общественнымъ... Необходимо, наконецъ, не только производство, но и потребление сдѣлать общественнымъ. Нужно, чтобы каждый работаль въ мѣру своихъ силъ и получаль въ мѣру своихъ потребностей...“

Невольно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ такъ много социализма, а пожалуй, и коммунизма? Для того ли, чтобы собрать воедино разсыпанную хранину трудовыхъ массъ? Для того ли, чтобы облегчить имъ процессъ самостоятельной выработки общественныхъ формъ, способныхъ въ ближайшемъ будущемъ удовлетворить ихъ вуждамъ?

Ни той, ни другой цѣли программа народно-соціалистической партіи не удовлетворяетъ, ибо

чтобы служить регуляторомъ, идеаль долженъ раздѣляться. Гдѣ же основаніе думать, что идеаль коллективнаго производства и потребления найдеть теперь отзвукъ въ массахъ? А если онъ имъ останется чуждъ,—какую роль сыграетъ онъ въ программѣ? Только отрицательную.

Этотъ избытокъ социализма совершенно не нуженъ, представляетъ теоретическій балластъ, и такая исходная точка зрѣнія партіи позволитъ собрать подъ ея знаменемъ только кучкѣ идеологовъ-филантроповъ.

Новой трудовой партіи въ гораздо большей степени, чѣмъ эти общія теоретическія предпосылки, нужна программа реальныхъ реформъ, способныхъ перекинуть мостъ между буржуазной дѣйствительностью, противорѣчащей интересамъ трудящихся классовъ, и тѣмъ будущимъ, въ которомъ эти интересы получили бы удовлетвореніе.

Кіевскому съѣзду „истинно-русской сотни“ посвящаетъ статью въ „Рѣчи“ и А. С. Изгоевъ. Какъ извѣстно, въ этомъ съѣздѣ, на которомъ пренія чередовались съ молитвами и пѣніемъ гимновъ, реакціонныя газеты увидѣли зародышъ новаго могучаго *народнаго* движенія, которое, поборовъ въ

препятствія, должно установить въ Россіи новый монархическій порядокъ. Но что оно въ состояніи сдѣлать?—спрашиваетъ г. Изгоевъ.

Еще разъ опозорить Россію еврейскими погромами, истребить нѣсколько тысячъ евреевъ и убить нѣсколько десятковъ либераловъ? Да, конечно, сдѣлать это при попустительствѣ властей они въ состояніи, и такого рода событій мы можемъ опасаться ежедневно.

Но что же дальше? Произойдетъ погромъ, десятки погромовъ, а затѣмъ?

Одними гимнами не проживешь. Торговля и промышленность, наука и литература отъ этого не процвѣтутъ... Что положительнаго внесли въ русскую жизнь всѣ эти „истинно-русскіе“ люди, начиная хотя бы съ почаевскихъ иноковъ? Избавили они народъ отъ нищеты, отъ голодовокъ, отъ пьянства, дающаго казнь главный доходъ, отъ сквернословія и кулачной расправы, принижających нерѣдко нашъ народъ до скотскаго положенія? Когда народъ голодалъ (и теперь онъ во многихъ губерніяхъ голодаетъ), почаевскіе монахи или „либералы“ ѣздили въ деревни устранять для голодающихъ столовые? Когда на Россію обрушилась холера, что дѣлали почаевскіе монахи, возбуждающіе теперь темную массу къ погромамъ и убійствамъ?

Мало культуры въ Россіи. Мало школъ, дорогъ, мало общественныхъ предпріятій, которыя бы помогали крестьянину выбиться изъ отупляющей нужды. Но все, что сдѣлано, все, до послѣдней мелочи, сдѣлано не „истинно-русскими“ людьми, а интеллигенціей, либералами...

Если допустить, что союзу русскаго народа, — заканчиваетъ авторъ, — удастся съ корнемъ истребить „интеллигенцію“ и либераловъ, то на другой же день Россія превратится въ варварскую страну, гдѣ озвѣрѣвшіе люди будутъ рѣзать другъ друга.

Германскому вахмистру не будетъ никакого труда придать пятой эту новую Турцію и водворить въ ней „цивилизованный порядокъ“...

Въ статьѣ „Судъ безъ суда и подсудимыхъ“ „Страна“ говоритъ по поводу отказа отъ участія въ судѣ совѣта рабочихъ депутатовъ и его защитниковъ:

Политическія требованія минуты подчинили себѣ и судебныя учрежденія; судъ вынужденъ считаться не столько съ необходимостью выяснить истину, сколько съ соображеніями, для суда совершенно посторонними. Вотъ, почему онъ постоянно попадаетъ въ такія положенія и выноситъ такія рѣшенія, которыя унизительны для его достоинства и совершенно недопустимы по существу.

Судъ безъ подсудимыхъ и безъ защиты, — конечно, нелѣпость, но далеко еще не самая прискорбная въ ряду нелѣпостей и ужасовъ, произрастающихъ на той же общей почвѣ, на которой выросла и эта.

Рабочее движеніе.

Недавно закрытый съѣздъ германской рабочей партіи въ Мангеймѣ представлялъ выдающійся интересъ, такъ какъ посвященъ былъ обсужденію жгучихъ вопросовъ современнаго рабочаго движенія не только въ Германіи, но и во всемъ мірѣ.

Особенное вниманіе съѣзду пришлось обратить на вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ связи съ отношеніемъ социаль-демократической партіи къ профессиональнымъ союзамъ. Докладчикомъ по вопросу о массовой политической забастовкѣ выступилъ *Бebelъ*.

Въ защиту своего проекта резолюціи *Бebelъ* сказалъ, что она вызвана нареканіями, будто онъ отрекся отъ постановленій іенскаго съѣзда. „Въ дѣйствительности же,—сказалъ *Бebelъ*,—я заявилъ только, что въ данный моментъ нечего и помышлять о массовой забастовкѣ, которая окончилась бы полнымъ пораженіемъ. Всеобщая стачка въ Германіи и въ частности въ Пруссіи представляетъ собою далеко не то же, что въ другихъ государствахъ. Противъ рабочихъ тамъ стоятъ силы королевства, юнкерства и бароновъ промышленности. Всякая попытка ко всеобщей забастовкѣ была бы подавлена безпощаднѣйшимъ образомъ.

„Пока мы не организуемся лучше,—говорилъ маститый вождь нѣмецкихъ социалистовъ,—попытка ко всеобщей забастовкѣ была бы просто безсовѣстной, и мы не можемъ принять на себя отвѣтственности за нее. Конечно, въ жизни народовъ бываютъ моменты, когда нужно во что бы то ни стало ринуться въ борьбу, хотя бы съ опасностью пораженія. Но подобный моментъ еще не пришелъ...

„Съ другой стороны я не согласенъ съ товарищами въ родѣ д-ра Давида, который полагаетъ, что мы навсегда застрахованы отъ революціи. Революціи дѣлаются не нами, но являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго давленія сверху... Я долженъ сказать, что если будутъ сдѣланы покушенія на всеобщее избирательное право при выборахъ въ рейхстагъ или на право союзовъ, и безъ того очень ограниченное, тогда не можетъ быть рѣчи о томъ, хотимъ ли мы или не хотимъ всеобщей забастовки. Мы должны. Свободу, которой мы уже пользуемся, мы не позволимъ у себя взять. Иначе мы будемъ жалкими, дрянными людьми“.

Далѣе Бебель признавался въ томъ, что 30 лѣтъ тому назадъ произнесъ грозную филиппику противъ участія въ выборахъ въ ландтагъ, и мужественно сознался въ томъ, что „это было глупо“. Въ концѣ своей рѣчи онъ заявилъ, что „мы не хотимъ заниматься музыкой будущаго, но желаемъ считаться съ реальными условіями“.

Послѣ доклада Бебеля сдѣлалъ докладъ по тому же вопросу предсѣдатель генеральной комиссіи профессиональных рабочихъ союзовъ Легинъ. Эти союзы враждебны всеобщей забастовкѣ, и Легинъ въ своемъ докладѣ еще рѣшительно высказался противъ нея.

По словамъ Легина, движеніе въ пользу всеобщей забастовки—въ рѣшительной мѣрѣ анархическое. Его поддерживаютъ независимые рабочіе союзы, находящіеся подъ влияніемъ анархо-соціалистовъ.

„Что же касается насъ,—сказалъ Легинъ,—то мы призываемъ думать, что Generalstreik ist Generalunsinn. Десятки лѣтъ насъ учили тому, что насильственными дѣйствіями нельзя разрѣшать соціальныхъ вопросовъ, и мы не могли разомъ отказаться отъ того, что считали правильнымъ“.

Каутскій предложилъ внести въ резолюцію Бебеля поправку, говорившую, что рабочіе союзы должны находиться подъ руководствомъ социаль-демократіи. Онъ указалъ на примѣръ англійскихъ тредъ-юніоновъ, которые „пришли въ застой потому, что имъ недоставало социаль-демократіи. Ревизионистъ Давидъ объявилъ, что партія должна подчеркнуть, что преобразование общественнаго порядка можетъ совершиться безъ катастрофъ путемъ парламентской дѣятельности и профессиональнаго движенія рабочихъ.“

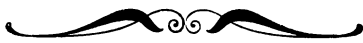
Въ заключеніе съѣздъ выразилъ осужденіе нецентрализованнѣмъ рабочимъ организаціямъ и высказался за празднованіе рабочими 1-го мая „въ формѣ воздержанія въ этотъ день отъ работъ“.

Въ Мангеймѣ Бебелю, какъ и въ Парижѣ Жоресу, пришлось высказаться объ отношеніи такой чисто-политической организаціи, какою является германская социаль-демократическая партія, къ экономическимъ организаціямъ, возникшимъ снизу, путемъ тѣснаго сплоченія работниковъ одной профессіи, т.-е. къ профессиональнымъ союзамъ (Gewerkschaften).

Было признано, что эти союзы являются столь же необходимой частью рабочаго движенія, какъ и политическая партія пролетаріата, и что по важности союзы не уступаютъ социаль-демократіи. Въ случаяхъ особо важныхъ рѣшено было предложить центральному комитету партіи входить въ непосредственное соглашеніе съ представителями рабочихъ союзовъ.

Такимъ образомъ въ будущемъ такіе сложные вопросы рабочаго движенія, какъ вопросъ о всеобщей забастовкѣ въ случаѣ нарушенія правительствомъ всеобщаго избирательнаго права, будутъ рѣшаться не только парламентскими и партійными дѣятелями, но и самой рабочей массой, путемъ референдума или голосованія по отдѣльнымъ союзамъ, на мѣстахъ.

М. Ш.

Поправка. Въ статью „Церковь безъ Христа“, помѣщенную въ № 29 „Моск. Ежен.“, вкралась опечатка въ заключительной евангельской цитатѣ: „Всякое дерево, не приносящее плода добраго, посѣкаютъ и бросаютъ въ огонь“. Подчеркнутыя слова „и бросаютъ“ оказались пропущенными.

ИВ. ШУБАРТЪ.

КНИГА ДЛЯ КРЕСТЬЯНЪ

„О ЛУЧШЕМЪ УСТРОЙСТВѢ СЕЛЬСКАГО
ХОЗЯЙСТВА“.

Перев. съ нѣмецкаго Ю. С. Еремѣевой.

Цѣна **25** к.

Продается въ книжномъ складѣ Киевскаго общества грамотности, въ магазинахъ Н. Я. Оглоблина въ Киевѣ и Петербургѣ, въ юридическомъ книжномъ магазинѣ А. И. Большаковой, бывш. Бусыгина: Москва, Никольская, д. Алексѣева, и въ г. Радомысль, Киевской г., с. Борщевъ, у Ю. С. Еремѣевой.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ ФИЛОСОФІИ

Кн. С. Н. Трубецкого

(посмертное изданіе курса по исторіи древней философіи, исправленное и дополненное авторомъ лѣтомъ 1905 г.). Вышла изъ печати и поступила въ продажу во всѣ книжные магазины. Цѣна I части **1** руб. **25** к. Складъ изданія при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Москва, Пименовская ул.).

**Въ пользу голодающихъ.
Пѣсни, думы и сатиры Д-ва.**

Адресъ: г. Харьковъ, ветеринарный институтъ, завѣдующему
гигіенической лабораторіей.

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Выходитъ книжками въ 4 листа еженедѣльно по расширенной программѣ.

Кромѣ статей по общественно-политическимъ и экономическимъ вопросамъ самъ „Московский Еженедѣльникъ“ будетъ удѣлять мѣсто и статьямъ по вопросамъ литературы, искусства и общественной жизни и произведеніямъ беллетристическаго характера.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Н. Авиновъ, свящ. К. М. Агеевъ, проф. А. С. Алексеевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, В. П. Алексеевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Ближенновъ, П. В. Безобразовъ, Н. А. Бердяевъ, М. И. Бруно, О. Е. Бужайскій, проф. С. Н. Булгаковъ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, М. О. Гершензонъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Громовласовъ, проф. А. Г. Гусакъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добролюбовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Зоджовскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Иванюковъ, Г. Б. Иолловъ, проф. А. В. Карпашевъ, А. А. Кауфманъ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левинъ, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Попатинъ, проф. И. В. Луничій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Макашевъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельевъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Младенцевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новицкій, проф. Л. Г. Петрасицкій, прив.-доц. А. И. Покровский, Т. И. Полмеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рагмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергейъ Глазголь, В. Ю. Скалонъ, Л. З. Слонимскій, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, П. Б. Струве (б. редакторъ „Совбожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, кн. Г. Н. Трубицкій, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Гверницъ, (Фрейбургъ въ Брейсгау), М. П. Щеткинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и другіе.

Продолжается печатаніе посмертныхъ статей проф. кн. С. Н. Трубицкаго.

„Московский Еженедѣльникъ“ продается въ Москвѣ въ кіоскахъ И. Д. Ситина и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и лавкахъ. Въ С.-Петербургѣ: въ кіоскахъ В. А. Пташниковъ, у артели ученыхъ продавцовъ произведений печати и въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова (Литейная, 46), „Наша Жизнь“ (Невскій, 49), Митюрникова (Литейная), „Русской Газеты“ (Невскій), „Доброе Дѣло“ (Басеинная, 4). Представитель для Юго-Западнаго края—А. А. Соколовскій: Невъ (Крематскій, 14). Воронежъ—Агафоновъ. Луганскъ—Шляпшиновъ. Симферополь—М. М. Загородскій. Новочеркасскъ—В. М. Клининъ. Минскъ—Б. А. Гореленскій. Ялта—Волкомъ. Рига—газет. кіоски Р. Манфредъ. Калуга—Горинъ. Красноярскъ—Н. Трегубовъ. Ташкентъ—М. Сынчульскій. Харбинъ—И. Т. Щелоковъ. Новый Край—Артемьевъ. Иркутскъ—Посохинъ.

Представитель за границей: Agence de la Presse russe: Paris—12, B-d des Italiens, 12. Майнцъ—Saarbach's Exchange. Luzern—Diemer (Buchhandlung). Lausanne—Librairie Nouvelle.

Пріемъ для личныхъ объясненій у редактора: отъ 3—4 час., у секрет. отъ 3—5 час.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1907 ГОДЪ.

За годъ — 5 Р. за 6 мѣс. — 2 Р. 75 К. за 3 мѣс. — 1 Р. 50 К.
за-границу вдвое.

Разсрочка допускается только годовымъ подписчикамъ на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—2 р. и 1 августа—1 р., или при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—1 р., 1 июня—1 р. и 1 августа—1 р.

За перемѣну адреса 25 к. Объявленія позади текста за строку петита 50 к., а на задней обложкѣ—1 руб. Принимаются у Л. и Э. Метцль и К^о въ Москвѣ и въ отдѣленіяхъ.

Янигопродавцы удерживаютъ съ подписной цѣны 10%⁰; комиссіонеры розничной продажи пользуются обычной уступкой. ☐ Телефонъ № 127—18.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Страстная площадь, д. Живаго.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи, у Н. Печниковой и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 15 коп.